

ПИСЬМА С. В. ЭНГЕЛЬГАРДТ К А. А. ФЕТУ

Часть III*
(1884—1891)

Публикация Н. П. Генераловой

91

8 (20) августа 1884.

Москва, Спиридоновка,
дом княгини Шаховской,
8 августа.

Милый мой Афанасий Афанасьевич,

Спасибо вам, что вы вспомнили обо мне. Ваше письмо дошло благополучно до меня, хотя вы его адресовали по старой памяти в дом Мейснера на Спиридоновку. Тот дом остался на Малой Никитской, и мы простились с ним навсегда вместе с тем, кто так долго в нем страдал.¹ С тех пор я как-то свихнулась и не могу оправиться. Однако нам Бог послал большую радость: у Юрия² родился сын. Словно покойный брат нам прислал этого ребенка. Юрий обожал отца и себя не помнит от радости.

Я нахожу, что чем скорей вы освободитесь от мучительных хозяйственных хлопот, — тем лучше будет. Вы *должны* жить спокойно и посвятить себя лишь тому труду, который услаждает жизнь. — И для кого вы будете трудиться? Детей у вас нет, а наследники ваши спасибо вам не скажут. Таково мое мнение о вашем намерении продать часть состояния.³

Я не читала статьи Vogüé.⁴ Щербатовы⁵ мне дают «Revue des deux Mondes», их нет в Москве, но как скоро они вернуться, я про-

---

* Окончание. Начало публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год (СПб., 1998) и Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год (СПб., 1999).

что эту статью. Мне кажется, что надо иметь на два гроша рас-судка, чтобы не вдаваться в нелепые теории о *peuple souverain*.^а Maxime du Camp, который писал о Парижской коммуне, говорит: «L'Assamblé déclara qu'il fallait faire parler le peuple souverain; le peuple souverain parla. Il aurait mieux fait de se taire»^б.⁶ Сколько раз можно было повторить эти слова. Во всей истории нет примера, чтоб *peuple souverain* обнаружил замечательные политические способности. — И откуда он бы их набрался?.. Да и толковать-то об этом смешно. — У Троицы я прочла «Histoire de la littérature anglaise — par Taine»^в.⁷ Замечательная книга. Он какой-то выродок между французами; я воображаю, сколько он нажил себе врагов в своем отечестве, хоть бы потому, что не признает ни одного великого поэта во Франции и находит, что французы прозаический народ.⁸

Я еще не в состоянии прочесть чисто поэтическое произведение, и не принялась за ваш перевод Горация.⁹ — Надо им насладиться вполне и ждать, чтоб сердце успокоилось.

Мы переехали сюда в последних числах июля, в самую стужу. Верите ли вы, что до сих пор мы не могли добиться мастерового, чтоб вставить двойные рамы, и печника, чтоб затопить печи какой-то особенной системы. Le peuple souverain пьет и от работы отказывается. Я разнемоглась от холода; наконец, со вчерашнего дня солнышко меня согревает и удалось истопить печку без помощи печника в моей комнате. Истопили кое-как, но все-таки комната согрелась. — Не странно ли, что этих пьяных бездельников отдадут в солдаты и из них выйдут герои и мученики!

Я не верю, чтоб вы не поняли, когда читаете вслух, если будут читать внятно и тихо, как говорят.¹⁰ — Попробуйте. — Благодарю от всей души Марью Петровну¹¹ за ее память. Все мои, в том числе и моя племянница, посылают вам обоим душевный привет. Крепко жму вашу руку.

С. Энгельгардт.

¹ С. Энгельгардт говорит о смерти своего брата Александра Васильевича Новосильцева (1822—1884), товарища Фета по Московскому университету (см.: Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 154). В 1864 г. с ним случился удар, от которого он не оправился до конца жизни.

² Речь идет о Ю. А. Новосильцеве, сыне А. В. Новосильцева.

³ В не дошедшем до нас письме Фет, очевидно, сообщил о своем намерении продать Воробьевку и поселиться в Москве. Ср. в письме Н. Н. Страхова к Фету от 16 (28) августа 1884 г.: «...Ваше известие о Воробьевке всему мешает. Как? Вы продаете Воробьевку? Зачем? Такую прелесть!» (РО ИРЛИ, № 20290).

⁴ Речь идет о статье М. де Вогюз о Л. Н. Толстом, которая была опубликована в «Revue des deux Mondes» (1884, livraison du 15 juillet, t. 64) и впоследствии вошла в его книгу «Le roman russe» (1886).

⁵ Щербатовы — семья Н. А. Щербатова, на дочери которого Марии был женат Ю. А. Новосильцев.

^а самодержавном народе (франц.).

^б «Национальная ассамблея объявила, что следует дать слово самодержавному народу; самодержавный народ заговорил. Лучше бы он промолчал» (франц.).

^в «Историю английской литературы — Тэна» (франц.).

⁶ Статьи М. Дюкана о Парижской коммуне публиковались в «Revue des deux Mondes».

⁷ «История английской литературы» И. Тэна впервые была опубликована в 1864 г. и затем неоднократно переиздавалась. В предисловии к этому труду Тэн высказал основные положения своего учения о расе, среде и моменте как определяющих факторах культуры того или иного народа.

⁸ Отмечая склонность англо-саксонской расы к духовной жизни, Тэн подчеркивал приверженность южных народов к язычеству и повседневности (*Taine H. Histoire de la littérature anglaise. Paris, 1895. T. I. P. 47*).

⁹ С. Энгельгардт откликается, очевидно, на присылку ей отдельного издания Горация, вышедшего в 1883 г. в Москве в переводе Фета. За этот перевод Академия наук присудила поэту полную Пушкинскую премию в 1884 г.

¹⁰ В не дошедшем до нас письме Фет, видимо, жаловался на ухудшение зрения и необходимость чтения ему вслух.

¹¹ Мария Петровна Фет (р. Боткина).

92

20 июля (1 августа) 1885.

Июля 20.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Вы верно замечаете, что в иных случаях говорить нельзя, но и молчать невозможно. Эти слова доказывают, что вы постигли мое горе. Я потеряла, — мы потеряли всё, не понимаю, как мы будем жить без нее.¹ Если б вы знали, что она была для нас и что она была вообще!

Мы с сестрой провели 62 ночи около нее, и не знаю, каким чудом еще держимся. Она скончалась в Сокольниках, где мы пока остались — вдвоем с сестрой, как ни ужасны воспоминания в этой даче. — Я провожу несколько часов в лесу, каждый день; там легче дышать. Думала, что могу писать к вам сегодня, — но не пишется. Передайте мой поклон Марье Петровне. Я понимаю, что вы оба мне сочувствуете. — Что ваши глаза?

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога, станция Коренная Пустынь. Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 21 июля 1885; 2) Москва: 21 июля 1885.

¹ Речь идет о смерти любимой сестры С. Энгельгардт Екатерины Владимировны Новосильцевой, писавшей под псевдонимом Т. Тольчева, последовавшей 7 июля по ст. ст. См. письмо 94, прим. 7. Е. В. Новосильцева была автором многочисленных статей, печатавшихся преимущественно в «Русском вестнике», повестей и рассказов религиозного характера, исторических повестей, переводов. Фет был знаком с нею, состоял в переписке и высоко оценивал ее литературную деятельность. В неопубликованном письме к Энгельгардт от 13 (25) июля 1885 г. он писал: «В подобные тяжелые минуты невозможно молчать, но говорить что-либо не пошлое едва ли не еще труднее. Глубоко сочувствуя Вашей утрате, я утешаюсь по крайней мере мыслию, что Вы опирались и будете опираться на благонадежную руку Вашего пле-

мянника, об испытанной привязанности которого к вам Вы мне говорили. Кто не способен на самоубийство, тот тем самым вынужден следовать Тютчевскому: „Живя, умеи все пережить“» (здесь и далее неопубликованные письма Фета к С. В. Энгельгардт приводятся по копиям, сделанным С. Г. Шпетом и ныне принадлежащим Н. Охотину, поместившему часть хранившихся у него списков в издание: *Фет Афанасий*. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 374—401. Приношу благодарность Г. Д. Аслановой, указавшей на существование дипломной работы Н. Охотина, посвященной творчеству С. В. Энгельгардт и ее переписке с А. Фетом и представившей возможность ознакомиться с этой содержательной работой, к которой приложены 33 письма Фета к Энгельгардт. К сожалению, воспользоваться этой работой и содержащимися в ней письмами Фета мы смогли уже после наших публикаций в Ежегодниках РО ИРЛИ на 1994 и 1995 гг. Далее ссылки на дипломную работу Н. Охотина даются сокращенно: *Охотин*).

93

21 августа (2 сентября) 1885.

Москва, Спиридоновка,
д<ом> к<нягини> Шаховской,
21 августа.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Почему вы замолкли? Если что-нибудь может облегчить сердце, хоть на время, в ее (так! — *Н. Г.*) глубоком горе, — это сочувствие друзей. Мы живем вдвоем с сестрой, в страшном одиночестве, переходим через все пытки воспоминаний. Как же это устроена наша жизнь? — Почему так, а не иначе? Почему дурные люди живут до глубокой старости и наслаждаются, а хорошие умирают преждевременно или бедствуют, больны или несчастны? Эти вопросы, затронутые миллионы раз, преследуют каждого при случае. Это время мне пришлось отвечать на письма, которые я получала ежедневно, газет я не читаю, даже видеть их не могу. Единственное чтение мое — «*Les Pensées de Pascal*»^а — доставляет мне истинное утешение. Я ему верю на слово, он был свидетель чуда,² и я верю, что есть чудеса, но не многим дано их видеть. Они заставляют верить в загробную жизнь, а без этой веры — пережить несчастьем (так! — *Н. Г.*) — невозможно.

Что ваши глаза? — Мое здоровье очень плохо, у меня сильно болит спина и ноги слабы. — Передайте мой привет Марье Петровне и напишите.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога, станция Коренная Пустынь. Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 22 августа 1885; 2) Москва: 22 августа 1885.

^а «Мысли Паскаля» (*франц.*).

¹ Речь идет о неоконченном труде французского ученого и мыслителя Блеза Паскаля (1623—1662) «Апология христианской религии», более известном под названием «Мысли о религии и о некоторых других вопросах» (впоследствии просто «Мысли»), которое было дано собранию сохранившимся после смерти его разрозненным наброскам к книге, собранным и изданным друзьями-янсенистами впервые в 1669 г.

² Известно, что в 1654 г. с Паскалем произошел случай, повлиявший на его мирочувствование: лошади, запряженные в карету, в которой ехал философ, понесли, но у края обрыва постромки оборвались и карета осталась на берегу реки. Паскаль увидел в этом чудесное знамение. Тем же годом датируется найденная после его смерти записка, свидетельствующая о пережитом им чуде благодати. Возможно также, что С. Энгельгардт имеет в виду чудо, явленное в 1656 г., которое произвело на мыслителя сильное впечатление: в церкви Пор-Рояля его племянница и крестница, приложившись к игле из тернового венца Христа, получила чудесное исцеление от тяжелого заболевания глаз.

94

11 (23) сентября 1885.

Москва,
д<ом> к<нягини> Шаховской,
на Спиридоновке.
11 сентября.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Очень вам благодарна, что вы мне указали на вашу статью «Фамусов и Молчалин».¹ Она не подписана вашим именем, и, разумеется, я бы ее не прочла; у меня лежал на столе, с другими журналами, неразрезанный «Р<усский> Вестник». Ваша статья отвлекла меня от мучительных мыслей, и я этому рада. Мы всегда сходимся с вами в некоторых взглядах и на некоторые явления смотрим с одинаковой гадливостью.

Мне очень понравилось ваше оригинальное и меткое выражение: «я пролез через терновый куст романа Достоевского „Бесы“».² Его мог написать только человек, одержимый падучей болезнью, а какое было бы замечательное произведение, если б оно вышло из-под пера здорового человека. Ивану Сергеевичу жутко было, когда он читал «Бесы» и волей-неволей узнавал себя.³ И как эти люди не понимают, что популярность не дается заискиванием, и может ли человек добиться популярности унижением и отречением от своей собственной личности.⁴ — Когда хоронили Скобелева,⁵ народ врывался в церковь, и бабы клали грудных детей на то место, где стоял его гроб и заставляли их целовать это место. Я была тогда в Ялте, но сестры мои видели собственными глазами то, что я рассказываю. Скобелев умел говорить с солдатом, одушевить его одним словом, и солдаты его обожали. Правда, с ним случалось их одевать и обувать на свой счет, но это он делал потому, что сам их любил и вел в огонь. — Точно так некоторые люди имеют влияние на других, но помимо собственной воли, а иные, как ни бьются — не получают способности покорять себе чужую волю и сердце. — И князь Суворов надел лакейскую ливрею,⁶ однако никто

в народе и не знает его имени. А Молчалины из ягнят (на вид, по к<райней> м<ере>) обратились в рыкающих зверей.

Вы прочтете в сегодняшнем № «М<осковских> В<едомостей>» статью Каткова о моей покойнице.⁷ Материалы для биографии он просил у меня 6 недель тому назад, я их послала сейчас же, и, несмотря на всевозможные предосторожности с моей стороны, их затеряли в редакции. Дело разъяснилось на днях, и бумаги были найдены. — Я не многим рада, но вас буду рада видеть. Одна комната опустела в доме, и все изменилось. Сердце обливается кровью, когда я смотрю на эту запертую комнату, где я провела столько хороших и ужасных часов,

Et dont une longue et si chère habitude
Me montre le chemin.^a

Крепко жму вашу руку и благодарю за письмо. Мой душевный привет Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Драма в нашем семействе: недавно застрелился 16-летний сын Новикова, бывшего посла, без видимой причины.⁸

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 12 сентября 1885; 2) Москва: 12 сентября 1885.

¹ Статья Фета «Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве» была опубликована в июльском номере «Русского вестника» за 1885 г. за подписью «А. А.». В ней Фет, давая общую оценку современного дворянства, уступившего свои функции в государстве разночинцам и фактически способствовавшего разрушению государственных устоев, вновь вернулся к своей излюбленной мысли о пагубности для художника подчиненности какой-либо идее: «Можно ли удивляться, — писал он, — что наши крупнейшие художники-писатели в самый расцвет их служения художественной идее, внезапно с чужих софистических слов предалися служению нравоучению непременно в желанном софистами направлении, так как это нравоучение обзывалось на софистическом языке фальшивым, но дорогим для художника именем *идеи*. Гоголь, Тургенев и многие другие пошли загонять клинья мнимой идеи в свои произведения, раскалывая таким образом ту художественную идею, которая составляла их сердцевину» (с. 323—324). Настоящее письмо С. Энгельгардт послужило основанием для атрибуции статьи Фету (см.: *Эльзон М. Д.* Неизвестная статья Фета // Русская литература. 1986. № 3. С. 128—134).

² Письмо Фета, содержащее оценку романа Достоевского «Бесы», неизвестно.

³ В романе «Бесы» (впервые напечатанном в журнале «Русский вестник» в 1871—1872 гг.) И. С. Тургенев был карикатурно выведен в образе писателя Кармазинова. Тургенев болезненно воспринял этот выпад. 3 (15) декабря 1872 г. он писал М. А. Милютиной: «Поступок Достоевского не удивил меня нисколько. Он возненавидел меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру — хотя я ничем не заслужил этой ненависти <...> Д<остоевский> позволил себе нечто худшее, чем пародию „Призраков“; в тех же „Бесах“ он представил меня под именем Кармазинова, тайно сочувствующим нечаевской партии ... мне остается сожалеть, что он употребляет свой несомненный талант на удовлетворение таких

^a «Куда привычка дорогая и долгая / Меня влечет» (*франц.*).

нехороших чувств; видно, он мало ценит его, коли унижается до памфлета» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1965. Т. 10. С. 39*).

⁴ Фет и его корреспондентка постоянно обсуждали появившиеся в печати произведения Тургенева. Их неприятие романов «Дым» и «Новь», а также известия о популярности писателя в среде революционно настроенной молодежи вызвали ряд негативных откликов, отразившихся в переписке. В статье «Фамусов и Молчалин...» Фет несколько раз упоминает имя Тургенева в качестве примера нерачительного отношения к своему хозяйству и даже приводит письмо Тургенева к дяде Н. Н. Тургеневу, в котором он выражал сомнения в эффективности реформ и требовал выкупа. «Но так как выкуп был только один раз, а Париж и Баден-Баден предъявляют ежесдневные требования цивилизации, то по той же дорожке побежали сначала леса, а потом и имения», — писал Фет в упомянутой статье (*Русский вестник. 1885. № 7. С. 326*).

⁵ Имеется в виду Михаил Дмитриевич Скобелев (1843—1882), герой русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

⁶ Речь идет об Александре Аркадьевиче Суворове (1804—1882), внуке А. В. Суворова. Близкий ко двору, А. А. Суворов с 1848 г. был генерал-губернатором прибалтийских губерний, с 1861 по 1866 гг. — петербургским генерал-губернатором.

⁷ Некрологическая статья М. Н. Каткова о Ек. В. Новосильцевой была напечатана в № 251 «Московских ведомостей» от 11 сентября 1885 г. без подписи. В ней, в частности, говорилось: «Потеря эта была для нас неожиданным ударом. Мы горько почувствовали ее, но по случайным обстоятельствам не успели помянуть покойную в нашей газете и собрать воедино прекрасные черты ее нравственного облика». Перечисляя заслуги покойной на общественном и литературном поприще, ее благотворительную деятельность. «красивую наружность», с которой она соединяла «блестящий ум», Катков отмечал, что сочинения Е. Новосильцевой читались во всех слоях общества, а ее комедия «Демократический подвиг», обличавшая нигилистов (1867), «имела блистательный успех в Москве, который подтвердился целым рядом язвительных статей в тогдашних петербургских журналах, задетых ею за живое».

⁸ Возможно, имеются в виду события в семье Евгения Петровича Новикова (1826—1903), писавшем о религиозных событиях в Чехии. Новиков был посланником в Афинах, затем в Константинополе.

95

4 (16) апреля 1886.

Москва, Спиридоновка,
дом к <нягини> Шаховской.
4 апреля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Все, что вы пишете о вашем здоровье, неутешительно. Мне кажется, что вам не удалось напасть на доктора, который бы понял вашу болезнь. В известные года болезнь неизлечима, но облегчить ее всегда возможно: это я испытала на себе, и я думаю, что между вашей болезнью и моей много общего. Было бы так отрадно умереть, когда сердце разбито, но страдать — тяжело. Мне очень помогли вдыхания пара. Я их делала с помощью машинки, но можно и без нее обойтись, — просто налить в чайник кипятку и чайную ложку очищенного скипидара, и вдыхать пар в продолжении 4 или 5 минут. Не только на такое простое средство, но и на всякое другое пойдешь, чтоб дышать свободно.

Какое счастье, что вы можете заниматься, несмотря на болезнь. Я никогда не читала «Метаморфозы» Овидия¹ и очень бы желала ознакомиться с ними, и я рада, что во мне возникло это желание. Прошедшей зимой я прочла ваши переводы Тибулла,² как деревяшка, без наслаждения.

«Новую Элоизу» я читала сто лет тому назад, но могу вас уверить, что в ней нет ничего похожего на побои.³ St. Pray является рыцарем.⁴ Вы это перепутали с рассказом, который, должно быть, слышали от меня. Гизо перевел на современный язык переписку настоящей Элоизы с Абельяром, и он-то, этот знаменитый Абельяр напоминает ей, как он ее бил, когда она не скоро соглашалась на его просьбы, — но побои ее не радовали.⁵ Она была прекрасная женщина, а его можно не стесняясь назвать животным. Можно не раз применить к ним ваши прекрасные стихи:

«Так бьется, крылышки раскинув, перепелка
Раздавлена ногой жующего вола».⁶

Знаете ли вы, что Николай Орлов⁷ был страшно болен всю зиму. У него изнурительная лихорадка. Теперь ему немного легче, но вы не можете себе представить, до какой степени он изменился. В щеках у него ямы, и глаза неподвижны. Его отправляют в деревню на юг, но вряд ли он совсем оправится.

Когда можно будет, уведоьте о себе.

С. Энгельгардт.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовый штемпель: Москва: 6 апреля 1886.

¹ В 1887 г. в Москве вышло в свет издание: «XV книг Превращений Публия Овидия Назона. В переводе и с объяснениями А. Фета». В 1880-е гг., наряду со сборниками оригинальных стихотворений «Вечерние огни», выходило много переводов Фета из римских поэтов: Горация (1883), Ювенала (1885), Тибулла (1886), Катуллы (1886), Вергилия (1888), Персия (1889), Марциала (1891). Все они были снабжены предисловиями, в которых поэт делился не только своими взглядами на того или иного автора и излагал свои принципы перевода, но и высказывал свои эстетические и философские суждения.

² «Элегии» Тибулла вышли в переводе Фета в 1886 г. (ценз. разрешение 22 ноября 1885) в Москве.

³ Очевидно, в не дошедшем до нас письме Фет высказывался по поводу «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо.

⁴ Сен-Пре — герой романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза».

⁵ Абельяр Пьер (Abélard; 1079—1142) — французский богослов, философ и поэт, автор теологических сочинений, осужденных католической церковью. Популярными стали его автобиография «История моих бедствий» (1132—1136) и любовная переписка с Элоизой, вдохновлявшая многих поэтов. С. Энгельгардт ошиблась: переписка Абельяра и Элоизы была переведена не Ф. Гизо (1787—1874), а другим известным историографом и философом Виктором Кузеном (1792—1867). См.: *Cousin Victor. Oeuvres inédites d'Abélard*. Paris, 1836; *Opera, recensuit V. Cousin*. Paris, 1849—1859. Т. 1—2.

⁶ Заключительные строки стихотворения Фета «Он ест, — а ты цветешь на прасной красотою...» (1886).

⁷ Речь идет о Н. М. Орлове (1821—1886), товарище Фета по Московскому университету, сыне декабриста М. Ф. Орлова (1788—1842) и Е. Н. Орловой (р. Раевской, 1797—1885). См. также письмо 96, прим. 1.

96

22 июня (4 июля) 1886.

Москва, около Симоновского монастыря,
Симоновская слободка, дача Маренкова.
22 июня.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Вы меня не балуете письмами, и видались мы чересчур редко прошедшей зимой, всего, кажется, два раза, и то на несколько минут, но мне все-таки хочется знать, как вы поживаете, что ваше здоровье? Хотелось мне тоже сообщить вам грустную весть, хотя я не люблю сообщать такого рода вести, но дело идет о старом приятеле. Николай Орлов скончался в ночь от 15 на 16. Публикации не было в «Моск<овских> Ведомостях», и как-то странно, зная человека несколько десятков лет, не знать, что его уже нет на свете.¹ Он долго страдал, но умер без агонии, в одну минуту. Верный был он нам друг! — Страшно думать о числе друзей, которые сошли в могилу и большей частью в те годы, когда еще надо жить.

Мы переехали на дачу — чтоб подышать чистым воздухом и нагреться на солнце, и что же? — Мы топим! Такой завернул холод, что пришлось бы вернуться в Москву, если бы нас не спасали железные печи. Местоположение здесь прекрасное, отовсюду видна панорама Москвы, и воздух хорош, да на душе-то нехорошо, потому и здоровье не поправляется.

Вы, верно, помните статью Вогюэ (Vogüé) в «Revue des deux Mondes».² Он писал об наших литераторах умно, добросовестно и замечательно верно для иностранца; надо же было ему споткнуться, заговорив о Пушкине. Статью о нем он напечатал в какой-то «Revue bleue».³ По его мнению, Пушкин был верный последователь романтической французской школы, и его героев не отличишь от героев Ламартина и Викт<ора> Гюго. Он приводит в пример «Кавказского пленника», «Братьев-разбойников», словом, первые произведения Пушкина. Желала бы я у него спросить, когда Jacshlyn или Didier говорили:

«Сват Иван, как жить мы станем.
Непременно уж помянем
Двух Матрен, Луку с Петром
Да Пахомовну потом...» и т. д.⁴

Что ваши переводы?⁵

Жму вам руку и жду весточки от вас.

С. Энгельгардт.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 23 июня 1886; 2) Москва: 23 июня 1886.

¹ См. письмо 95, прим. 7. Объявление о кончине Н. М. Орлова было напечатано в № 171 «Московских ведомостей» от 23 июня 1886 г.: «В среду, 25 июня, в девятый день по кончине Николая Михайловича Орлова, будет отслужена в Новодевичьем монастыре, в больничной церкви, в 10 ч. утра, заупокойная панихида». «Когда я слышу, что знакомые мне люди, как Орлов, угасают безболезненно, т. е. без агонии, то невольно говорю: вот мне бы так, — писал Фет С. Энгельгардт 26 июня ст. ст. 1886 г.. — Орлов был несомненно добрый и честный человек. Я каждый раз, проезжая по Пречистенке мимо их дома, в котором нередко бывал и помня Ганимеда на потолке, невольно вспоминаю семейство Орловых. В Париже я был знаком с его чрезвычайно любезным и интересным, ныне покойным, двоюродным братом, а сын его студент в своем мундире, напоминая моего университетского товарища, показался мне весьма благовоспитанным юношей» (Цит. по кн.: *Фет Афанасий*. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 391. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Фет. СПП*, с указанием странички).

² «Меня, занятого в настоящее время почти исключительно литературными интересами, — писал Фет С. Энгельгардт 26 июня ст. ст. 1886 г., — Ваши строки о статье Вогюе затронули за живое и заставили закипеть, как сода кислоту» (*Фет. СПП*. С. 391). В майском номере журнала «Revue des deux Mondes» за 1886 г. была напечатана статья Э. М. де Вогюз «De la littérature réaliste. A propos du roman russe» («О реалистической литературе. По поводу русского романа»), которая впоследствии вошла в качестве введения в книгу «Le roman russe» («Русский роман»). А в июльском номере (Livraison du 15 juillet) того же журнала за 1884 г. появилась статья о Л. Н. Толстом, вызвавшая у Фета живой отклик. В том же письме он сообщал: «Мне теперь после обеда перечитывают сочинения Л. Толстого, в которых я раскрываю новые прелести; тем не менее готов двумя руками подписать его статью о Толстом, не исключая и едких замечаний насчет последней его деятельности» (там же). Сравнивая последние произведения Толстого с «уродливым несостоятельным мировоззрением» Гюго, явленном в его трактате «Вильям Шекспир», Фет считал, что «окончательное банкротство Гюго перед здравым смыслом» повторяется в «гениальном поэтически-чутком и могучем Л. Толстом»: «Какой младенец, еще не умеющий ценить собственных слов, способен болтать тот вздор, которым Толстой за последнее время угощает своих читателей и почитателей» (там же, с. 392).

³ Статья Вогюз о Пушкине, опубликованная в «Revue bleue» вошла в его книгу «Русский роман». «Что касается до его статьи о Пушкине, — замечал Фет в том же письме, — то я, не читавши ее, не могу о ней судить. Весьма может быть, что Вогюе, как француз, считает Ламартина и Гюго, которые, по-моему, и между собою-то далеко не равны, равными по силе Пушкину <...> Но если мундир офицера, дипломата или лакея — все тот же французский фрак, а кафтан, полушубок и казакин совершенно другого типа одежда, то в этом смысле я согласен признать, что молодой Пушкин долгое время не мог освободиться от академического кафтана Малерба, Парни и т. д. и добился до казакина только при помощи Шекспира, открывая новый период „Борисом“ и кончая „Дон-Жуаном“ и „Капитанской дочкой“» (там же). Здесь же он привел известный отзыв Мериме о Пушкине как величайшем современном поэте, произнесенный в присутствии Тургенева в ответ на вопрос Ламартина.

⁴ С. Энгельгардт цитирует не вполне точно начало стихотворения А. С. Пушкина «Сват Иван, как пить мы станем...» (1833).

⁵ «В настоящее время, — отвечал Фет на этот вопрос в уже цитированном письме, — кончаю знаменитого и причудливого римского поэта времен Августа

11 (23) июля 1886.

Москва, около Симонова монастыря,
Симоновская слободка, дача Маренковой.
11 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Очень грустно, что вы так боитесь за ваши глаза, и очень хорошо делаете, что бережете их. Во всяком случае советуйтесь с Крюковым.¹ Он помогал тем, от которых отказывались другие. Я видела не один такой случай.

У меня до вас просьба. Надо вам сказать, что, не зная, чем рассеять тоску, я начала писать свои воспоминания. К сожалению, у меня руки связаны: о живых говорить правду нельзя, нельзя даже говорить и об умерших, которые оставили семейство. Вспоминая о прежних встречах, я не могу умолчать о Василье Петровиче Боткине,² и прошу Вас, при помощи Марьи Петровны,³ сказать мне, каких он был лет, когда начал учиться. — Я слышала от Грановского,⁴ что он выкупил из крепостных человека, у которого были большие музыкальные способности: надо было заплатить большую сумму; тогда Боткин получал от отца небольшое содержание и лишал себя целый год любимых удовольствий, чтоб внести эту сумму. Точно ли это так? Не перепутала ли я чего-нибудь?⁵ Как бы хотелось рассказать об отношениях Василья Петровича с Григоровичем,⁶ н<a>п<ример>. — Нельзя, а ведь это прелесть!

Я сама не читала статью Вогие (так! — *Н. Г.*) о Пушкине.⁷ Ее излагает «Новое время», и без комментариев, так что, пожалуй, и они там разделяют мнение француза.⁸ — Он пишет, между прочим: «Я знаю, что славянофилы вознегодуют на меня, но я не могу не сказать истины». Хороша истина! Пушкин сам сознает, что он писал свои первые произведения под влиянием Байрона, — (во всяком случае, не В. Гюго). Молодой орел учился летать. Я постараюсь выписать статью.

У нас дожди, но все-таки я рада, что мы на даче, а не в душной Москве.

Жму вашу руку и жду ответа.

Марье Петровне передайте мой поклон.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 11 июля 1886; 2) Москва: 11 июля 1886

¹ В приложенном к «Московским ведомостям» «Адресном списке московских врачей, составленном Московским фармацевтическим обществом» (М., 1886), значится: «Крюков Андриан Александрович, Спиридоновка, Георгиевский пер., д. Чигирь. От 11 — 2 дня кроме четверга и воскресенья. Глазные». В связи с ухудшением зрения Фет вынужден был прибегать к помощи секретаря и своих близких, которые читали ему вслух. 26 июня ст. ст. 1886 г. он, перефразируя евангельскую притчу, писал С. Энгельгардт: «Полагаю, что глупые девы не так под конец дорожили своим маслом, как я своими потухающими глазами» (*Фет. ССП. С. 390—391*).

² Воспоминания С. Энгельгардт, содержащие меткие и умело написанные портреты современников, печатались в «Русском вестнике» (1887. № 9—10; 1889. № 7) и «Русском обозрении» (1890. № 6). В отрывке «Из воспоминаний» за подписью «Ольга N.» (Русский вестник. 1887. № 9—10) находится замечательный портрет В. П. Боткина (1810—1869). «Странно, — писала С. Энгельгардт, — что до сих пор нет биографии такой крупной личности. Во Франции, например, много было бы о нем толков, но у нас и не он один прошел незамеченным <...> привольное житье богатого купеческого быта он променял на трудность и сухость элементарного учения и, покоровшись отцу, все-таки находил время для науки. Неутомимою любознательностью и счастливую памятью можно объяснить широкое знакомство его со всеми европейскими литературами, доступными ему в оригиналах <...> За русскою литературой он следил с напряженным вниманием. Плохое или неудачное произведение так раздражало его артистическое чувство, что, не стесняясь приличием, он не щадил едких комментариев на писателей, которые обращались к нему за советом и доводил их до иступления. Тургенев, с сердцем, называл его Василиск Петрович» (С. 707—708).

³ Мария Петровна Фет-Шеншина была сестрой известного критика В. П. Боткина.

⁴ Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855) посещал литературный салон сестер Новосильцевых в Москве в начале 1850-х гг. «Выше всех замечательных людей той эпохи, — писала С. Энгельгардт в своих мемуарах, — стоял Грановский. Я его хорошо знала, но о нем так много писали, что все, что я скажу о нем, мне самой покажется вяло и бесцветно. Чтобы передать вполне все оттенки его тонкой и глубокой природы и облечь их в живой образ, надо быть художником» (Русский вестник. 1887. Т. 191. № 9—10. С. 708—709). Когда в одном из писем к С. Энгельгардт Фет попросил себе высказаться против деятелей 40-х годов и упомянул имя Грановского, она решительно ответила ему: «Я нахожу, что вы несправедливы к деятелям 40-х годов. Грановский любил Запад как источник и центр образования и был ему обязан развитием благородных свойств своей природы. Но он очень горячо любил Россию, русский язык, русский народ и жил русской жизнью <...> Чья же вина, что мы одни во всей Европе не хотим до сих пор быть русскими? Не хотим быть тем, что мы *есть*? В чем тут виноват Грановский? <...> Всем нам надо жалеть, плакать надо, что нет в университете такого человека, как Грановский» (Письмо от 14 (26) марта 1871 г.). См.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 209.

⁵ Очевидно, Мария Петровна Фет выполнила просьбу и сообщила С. Энгельгардт сведения о молодых годах брата и о его бескорыстной помощи талантливым детям. Об этом свидетельствует следующий эпизод из воспоминаний «Ольги N.»: «Я не думаю, чтоб он грешил излишнею горячностью сердца, но искусство, во всех его отраслях, пробуждало лучшие свойства его природы. На свои личные расходы он получал от расчетливого отца всего тысячу рублей ассигнациями в год, однако нашел средство выкупить крепостного мальчика, Горбунова, заметив в нем способности к живописи, и отдал его в художественный класс. В то же время он платил за уроки музыки другого бедного мальчика, Билибина, лишая себя не только прихотей, но, может быть, и необходимого. Он же доплачивал учителям сестер и младших братьев, а провести братьев через университет стоило ему немалой борьбы с отцом» (Там же. С. 707). Впоследствии К. А. Горбунов (1822—1893) стал известным художником-портретистом, академиком и оставил портреты В. П. Боткина, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева и других деятелей культуры. И. И. Билибин, ставший музыкантом, брал уроки у Л. Ф. Лангера, знакомого Белинского и Боткина.

⁶ Имеется в виду Д. В. Григорович (1822—1899).

⁷ См. письмо 96 и прим. 3 к нему.

⁸ Спор о главах будущей книги Э. М. де Воюэ возник в связи с замечаниями С. Энгельгардт, высказанными в письме от 22 июня (4 июля) 1886 г. и письмом Фета от 26 июня (8 июля) того же года. См. письмо 96 и прим. 2 и 3 к нему.

24—25 января (5—6 февраля) 1887.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Ваше мнение о статье Vogüé¹ меня даже озадачило. Кто же сомневается в том, что «Братья-разбойники» и «Кавказский пленник» не что иное, как фантазия незрелого таланта и не вынесут сравнения с превосходной повестью Толстого «Казачьи» и с верной фотографией «Записок из Мертвого дома»?² Даже школьник это поймет. — Неужели вы разделяете мнение Vogüé, что н<a>п<пример> патристические произведения Пушкина мог бы подписать любой француз?³ Мне кажется, что надо было быть русским до мозгу костей, чтоб написать стихотворение «Клеветникам России».⁴ — О гениальных произведениях Пушкина он и не говорит, а так, мимоходом, не указывая ни на что. Стоило бы, кажется, упомянуть о «Скупом рыцаре», о «Моцарте и Сальери», о «Дон Жуане» и т. д. — Что он сказал о «Борисе Годунове»? — Ничего, хотя что-то и сказал.⁵ — Он находит, что Пушкин умер вовремя,⁶ а Пушкин написал незадолго до своей кончины:

«Я чувствую, что могу теперь создать тип...».

Меня тоже рассердило выражение: «il y a des poètes aimables en Russie». ^a — Чисто французская оценка, хоть бы Лермонтова, например, а это: «Pouchkine est aussi concis que les écrivains de son pays sont diffus, — aussi limpides qu'ils sont troubles...».^{6 7} О каких писателях говорит он?

Много еще можно бы сказать об этой статье, но мы ее оставим до нашего первого свидания.

От всей души жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Плющиха, свой дом.

Почтовый штемпель: Москва: 25 января 1887.

¹ Очевидно, причиной возвращения к спору о мнениях французского критика Э. М. де Вогиюз послужил выход в свет книги его статей о русской литературе, печатавшихся прежде во французских журналах: «Le roman russe» (1886), которую Фет, заинтересовавшийся мнениями автора о русской литературе, мог выписать. Книга Вогиюз, прослужившего несколько лет секретарем французского посольства в России, снискала популярность не только во Франции, но и в России прежде всего прекрасным знанием предмета и оригинальностью трактовок, она в значительной мере способствовала распространению русской литературы во Франции.

² В не дошедшем до нас письме Фет, по-видимому, высказал согласие с некоторыми мыслями Вогиюз, привлеченный глубиной его взгляда, искренней любовью к русской культуре и созвучием с собственными мнениями. Так, его не могло не привлечь мнение Вогиюз о принципиальной непереводимости стихов с одного языка

^a «В России есть приятные поэты» (франц.).

⁶ «Пушкин настолько же лаконичен, насколько его соотечественники-писатели многословны, — настолько же прозрачен, насколько они смутны» (франц.).

на другой. Это, в частности, было причиной, по которой французский критик посвятил свой труд в основном русскому роману, хотя первоначально намеревался писать о русской поэзии. «Лирический поэт, — писал Воюэ, — это человек, ведущий зыбкое существование в словесной среде; перенести эту жизнь в чужое тело невозможно <...> а говорить о поэзии <...> значит пытаться поймать облака, плывущие в чужом небе» (*Vogüé E. M. de, V^{ie}. Le roman russe. Deuxième édition. Paris, 1888. P. XI—XII*). Здесь и далее цитируется по этому изданию сокращенно: *Vogüé* с указанием страницы). «Русские поэты не переведены и никогда не будут переведены. Лирическое произведение — существо, живущее таинственной жизнью слова; эту жизнь нельзя переселить в инородное тело» (*Ibid. P. XI—XII*). Эти мысли вполне созвучны Фету, неоднократно высказывавшемуся в том же духе, несмотря на то, что он оставил большое количество поэтических переводов. Не могло не привлечь его высказывание Воюэ о шекспировском периоде творчества Пушкина («Борис Годунов») (*Ibid. P. 46*), о чем он сам писал С. Энгельгардт несколько ранее, как бы предугадывая рассуждения Воюэ (см. письмо 96, прим. 3). Особенно должен был быть тронут Фет, прочитав отзывы о «Казаках» Толстого: «Сравните его (Пушкина — *H. G.*) описания Кавказа и описания Кавказа у Льва Толстого в „Казаках“; поэт 1820-х годов смотрит на природу и людей Востока теми же глазами, что какой-нибудь Байрон или Ламартин; для него это великолепная декорация, населенная поэтическими существами, страдающими, любящими и мыслящими на современный ему европейский манер. Для наблюдателя 1850-х, напротив, этот уголок Азии — обретенное древнее отечество; он старается понять этих не вполне своих братьев, показывая их нам реальными и достоверными, с их столь отличными от наших, но несколько сходными с его собственными взглядами на жизнь. Если хотите другой пример, возьмите прекрасную поэму „Братья разбойники“ и сравните ее с портретами каторжников, списанных с натуры Достоевским. В романтической картине русские разбойники являются побочными детьми Лары, увиденными свысока и со стороны барина, щедро сушающим их поэзией; ничто не помешало бы им быть каталонцами или сицилийцами; в то время, как каторжники Достоевского — крестьяне с Днепра или Волги. а тот, кто их рисует <...> мог бы убить и искупить свою вину, подобно им, если бы судьба его к этому подтолкнула» (*Vogüé. P. 47—48*).

³ Считая, что Пушкин мог родиться в любой другой стране и творчество его было бы тем же. Воюэ, споря со славянофилами, писал: «Те самые стихотворения, которые прославляют русскую природу, русскую любовь, русский патриотизм, измените в них несколько слов, и они будут воспевать те же вещи для англичанина, француза или итальянца» (*Ibid. P. 49*).

⁴ Стихотворение Пушкина «Клеветникам России» («О чем шумите вы, народные витии...», 1831).

⁵ Воюэ назвал «Бориса Годунова» «шекспировской драмой на русский сюжет» (*Vogüé. P. 46—47*).

⁶ Считая Пушкина представителем романтизма, европейского течения, которое к 40-м годам сошло на нет, Воюэ писал, что поэт унес его с собой в могилу и не стоит оплакивать того, кто ушел в полной славе, не пережив самого себя, гибели того учения, которому он служил, предательства учеников и т. д. (*Ibid. P. 40—41*).

⁷ Воюэ не находил у Пушкина ни тени мистицизма, ни «философского беспокойства», свойственных современной ему литературе. «Этот славянин смотрит на все ясно, как афинянин» (*Ibid. P. 48*). Именно в этом смысле противопоставлял критик творчество Пушкина «другим писателям», у которых не находил пушкинской ясности. Приведенные слова Воюэ содержатся на стр. 49 цит. издания.

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Миша Орлов ¹ в деревне, на охоте, и вернется не раньше, кажется, 10 февраля, но мать его, Ольга Павловна О<рлова> пору-

чила мне вам сказать, что если она может его заменить, то готова приехать к вам.²

Настоящий опекун Орловых находится в Англии, где его назначили консулом, а где, не знают, некто Рюмин. Напишите словечко, которое я передам Ольге Павловне.

Я вижу, что ваш доктор не приносит вам ни малейшей пользы. Хоть бы вы попробовали обратиться к другому. — Я страдаю от отвратительной зимы и покашливаю, но без лихорадки.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Письмо датируется предположительно по нахождению его в пачке писем. Условная датировка внесена неизвестным лицом карандашом в правом верхнем углу листа.

¹ Речь идет о сыне Н. М. Орлова. См. письмо 96 и прим. 1 к нему.

² Очевидно, Миша Орлов читал Фету вслух в связи с плохим состоянием его зрения.

100

10 (22) июня 1887.

Около Симоновского монастыря,
Симоновская слободка,
дом Маренковой.
10 июня.

Все, что вы пишете о себе, далеко не утешительно, дорогой Афанасий Афанасьевич, и я удивляюсь и радуюсь, что вы еще можете заниматься. Да, говорят, что все надо терпеть, и вопрос делаешь невольной: для чего? Но разрешение этой загадки мы здесь не получим.

Очень бы мне хотелось прочесть хоть несколько страниц из вашего перевода.¹ Я вовсе не знаю «Энеиды», ибо читала ее во французской переделке: французы не переводят, а переделывают. Теперь разве, за последние годы они начали сознавать, что переводчик не имеет права распорядиться подлинником, как своей собственностью, и те попытки не исказить чужой мысли выходят у них чрезвычайно сухи, лишены поэзии, как, например, перевод Шарля Гюго — Шекспира.²

Вы хорошо придумали писать ваши мемуары.³ Я читаю «Les mémoires du duc de St Simon».⁴ Жаль, что он не успел их обработать, привести в порядок, даже слог в иных местах невозможен, но, как бы то ни было, книга написана с большим талантом.

Вот и я, грешница, задумала было писать свои воспоминания и отдала тетрадь в редакцию «Р<усского> Вестника» 7 месяцев

⁴ «Мемуары герцога Сен-Симона» (франц.).

тому назад.⁵ Тогда Ключников⁶ заведовал редакцией журнала, но с тех пор бежал от неслыханного беспорядка, который там учредили, должно быть, раз навсегда. Писатели не добьются своих манускриптов, и мои труды тоже пропали, вероятно. Ключникова никто еще не заменил — и секретарь Каткова кой-когда там похозяйничает.⁷ Сам же Катков в Петербурге с Фоминой недели, и неизвестно, когда он вернется.⁸

Я очень помню Владимира Сергеевича Соловьева и жалела не раз, что не встречала его с тех пор, как мы познакомились в Воробьевке. Передайте ему мой душевный привет. Непозволительно болеть в его года; ему бы только стоило заняться своим здоровьем, чтоб поправить его.⁹ Позднее обращаешься к доктору, чтоб облегчить хоть временно страдания. Я вам дала когда-то *cigarettes Espie*,⁶ но вы заупрямились и их не употребляли; они меня спасают от одышки.¹⁰

Марье Петровне мой поклон.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 12 июня 1887; 2) Москва: 12 июня 1887.

¹ В это время Фет работал над переводом «Энеиды» Вергилия, которая, как писал он С. Энгельгардт 3 (15) июня 1887 г., будет «с поступлением осенью в печать, моей лебединой песнью» (*Фет. СПП. С. 393*). 1-я часть «Энеиды» в переводе Фета вышла в Москве в 1888 г. с предисловием и комментариями Д. И. Нагуевского (1845—1918). В переводе Вергилия Фету помогал В. С. Соловьев, гостивший в это время в Воробьевке и представлявший, по выражению Фета, «единственную отраду в настоящее время».

² С. Энгельгардт ошиблась: переводчиком Шекспира на французский язык был не Шарль (1826—1871), а другой сын Виктора Гюго — Франсуа-Виктор (1828—1873), который к 1863 г. закончил перевод полного собрания сочинений английского драматурга. Трактат В. Гюго «Вильям Шекспир» был написан как предисловие к этому переводу, но в 1864 г. вышел отдельной книгой, о которой Фет писал: «По общему духу и личным нападкам на Николая I-го она переведена быть не может, но тем не менее она интересна как фокус, в котором отразился весь, можно сказать, гениальный блеск Гюго со всею его замечательной классической подготовкой и историческими сведениями при самом уродливом младенчески несостоятельном мировоззрении, в котором даже невозможно обвинять Францию с ее революцией, а надо искать разгадки в окончательном банкротстве Гюго перед здравым смыслом» (*Фет. СПП. С. 392*).

³ «Примусь, может быть, от скуки, в свободные от удушья часы, писать мемуары», — писал Фет С. Энгельгардт 3 (15) июня 1887 г. (*Фет. СПП. С. 393*). Воспоминания Фета начали печататься в «Русском вестнике» в 1888 г. (№ 8). Впоследствии они вышли отдельными книгами: *Фет А. Мои воспоминания*. М., 1890. Ч. 1; М., 1890. Ч. 2; Ранние годы моей жизни. М., 1893.

⁴ «Мемуары» Луи де Рувруа, герцога де Сен-Симона (1675—1755), служившего при дворе Людовика XIV, были впервые опубликованы в 1829—1831 гг. в 21 тт. и стали образцом мемуарной литературы. С. Энгельгардт обратился к сочинению Сен-Симона, очевидно, в связи с тем, что, как и Фет, начала в это время писать свои воспоминания.

⁶ сигареты Эспи (*франц.*).

⁵ Первые главы воспоминаний С. Энгельгардт за подписью «Ольга N.» начали печататься в журнале «Русский вестник» с 9—10 номеров (т. 191) за 1887 г.

⁶ Автор антинигилистического романа «Марево» (1864) В. П. Ключников (1841—1892) в 1883—1886 гг. заведовал редакцией журнала «Русский вестник».

⁷ «Секретарем Каткова» С. Энгельгардт называет Н. А. Любимова (1830—1897), ближайшего сотрудника М. Н. Каткова по «Русскому вестнику». Неприязненное отношение к Любимову неоднократно встречается в письмах ее к Фету.

⁸ М. Н. Катков был в это время тяжело болен, он скончался 20 июля ст. ст. 1887 г. в Москве. «Не стало Каткова, — писала С. Энгельгардт Фету 26 июля ст. ст. 1887 г., — и никто его не заменит, как никто не заменит Аксакова и Скобелева. Горячий патриотизм Каткова развил его талант, и нет сомнения, что он был необходим России <...> Никакой публицист не играл такой роли, как Михаил Никифорович...» (А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 224). Откликаясь на смерть Каткова, Фет писал: «Мое положение можно сравнить с задыхающейся нянькой, сбязанною день и ночь смотреть за самыми глупыми и несамостоятельными детьми, которым надо сто раз повторять, что кашу едят в рот, а они все-таки суют в уши. Впрочем, от мала до велика, разве не такую же несчастною нянькой был во всю журнальную деятельность и Катков? Вряд ли найдется много людей, которые оценят несомненные его заслуги, зато сколько таких, которых обрадует его смерть <...> Как бы бедный Катков не оказался русским Сизифом и камень нигилизма, вырвавшись из его рук, не раздавил бы еще с удвоенной силой нашей несчастной страны» (письмо от 24 июля ст. ст. 1887; *Охотин*. С. 160).

⁹ «Единственную отраду в настоящее время, — писал Фет С. Энгельгардт 3 (15) июня 1887 г., — представляет гостящий у нас на лето, знакомый Вам Владимир Сергеевич, который не хуже меня, или даже хуже болен, если принять в расчет, что он не достиг и половины моих лет. Это не мешает ему усердно помогать мне при переводе „Энеиды“...» (Фет. СПП. С. 393). С молодым тогда поэтом и философом Вл. С. Соловьевым (1853—1900), сыном своего университетского товарища С. М. Соловьева (1820—1879), впоследствии знаменитого историка, Фет познакомился в начале 1881 г. Вл. Соловьев принимал участие в редактировании перевода «Фауста» Гете, выполненного Фетом в 1880 г. Помощь его в переводе Вергилия выразилась в том, что он перевел три книги «Энеиды».

¹⁰ Фет с молодых лет страдал тяжелым заболеванием дыхательных путей.

101

Ноябрь 1887 (?).

Я буду душевно рада вас видеть, и если только можно, приезжайте сегодня, а если сегодня нельзя, не можете ли вы назначить другой день. Все часы удобны для меня, но вот в чем дело: *иногда*, и то довольно редко, за мной заезжает одна моя знакомая, и я с ней катаюсь не более получаса, но ведь это придется как нарочно тогда, когда вы приедете. Во всяком случае, я не выеду ни сегодня, ни завтра, буду вас поджидать, и час пополудни самый удобный час. — Если же вам нельзя выехать, то ради Бога не стесняйтесь, а когда будет можно — напишите мне прямо, что вы будете *тогда-то*. Благодарю Марью Петровну за память.

С. Энгельгардт.

По вечерам я неизменно дома, но боюсь, что вам будет неприятен вечеровой выезд.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Плющихе, в собственном доме.

Датируется предположительно по местонахождению письма в пачке и в соответствии с неопубликованным письмом Фета от 1 (13) ноября 1887 г., в котором он писал: «Все это время с приезда из деревни, невзирая на обычное нездоровье, порываюсь забежать к Вам, чтобы перекинуться двумя, тремя словами, узнать о Вашем здоровье и поцеловать Вашу руку. Но приехать к вам и не застать было бы для меня слишком обидно, а потому пускаю эти строки наудачу, прося указать час дня, в который бы Вы нашли посещение мое наиболее для Вас удобным. Марья Петровна усердно Вам кланяется» (*Охотин*. С. 162).

102

1 (13) января 1888.

1 января. — Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Говорят, что надо поздравлять с Новым годом и с новым счастьем. Лишний год на плечах, а что касается до нового счастья, многие могут отвечать, что старого-то не было. Но я вас поздравляю с новыми переводами¹ и желаю для будущих нового счастья.²

Передайте мой поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Открытое письмо: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Плющиха, собственный дом.

Почтовый штемпель: Москва: 1 января 1888.

¹ В это время Фет, очевидно, продолжал работать над переводом «Элегий» Секста Проперция.

² Очевидно, в не дошедшем до нас письме Фет сообщал С. Энгельгардт, что собирается переводить Плавта и Марциала.

103

21 января (2 февраля) 1888.

Среда.

Благодарю тысячу раз за присылку и за память.¹ Мне дорого и то и другое.

С. Энгельгардт.

Открытое письмо: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Плющиха, собственный дом.

Почтовый штемпель: Москва: 21 января 1888.

¹ Очевидно, С. Энгельгардт получила от Фета перевод 1-й книги «Энеиды» Вергилия, вышедшей в свет в конце декабря 1887 г. (дата на книге 1888) или третий выпуск «Вечерних огней», появившийся между 16 и 23 января 1888 г.

25 апреля (7 мая) 1888.

Москва, Спиридоновка,
дом <нягини> Шаховской.
25 апреля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Вы мне поднесли красное яичко известием, что ваше дыхание значительно улучшилось. Я знаю, как мучительна одышка и по вашему примеру отказалась бы от папиросок, но, слава Богу, я сплю хорошо, ходить только трудно и я не имею духа бросить куренье.¹

До чего же мы дошли наконец? Платить 15 тысяч за право наследовать имение.² Если бы эти страшные налоги поправили наши дела, выручили нас из беды, — куда ни шло! Всякий пожертвовал бы временно чем мог; к несчастью, ничего хорошего не предвидится.

Я рада, что оценили ваш перевод и представляют его публике в великолепном издании.³ Вам должны сказать вечное спасибо те, которые не прочли оригинала и оценили «Фауста» тогда только, когда вы его передали. Не знаю, получаете ли вы какой-нибудь французский журнал и имеете ли понятие о телячьем восторге, который драма Толстого вызвала во Франции.⁴ — Читаешь и себе не веришь. Вогюэ, умный критик и серьезный человек, посвятил этой драме статью в «*Revue des deux Mondes*».⁵ Там сказано, между прочим, что он не разделяет мнение тех, которые сравнивают Толстого с Шекспиром, — нет! Он современный Эсхил.⁶ — Боже мой! да драмы-то не видать во «Власти тьмы». — Где же развитие характеров и страстей?.. Это не живые лица, а пешки. Признаюсь, другого действия это произведение на меня не произвело.

С. П. Каткова⁷ в восторге. Дочь ее Ольга выходит замуж за сына министра Толстого.⁸ Он глуп, как пробка, но зато Толстой и богач. А она добрая мама, любит детей, но всякий смотрит на счастье с своей точки зрения.

Похристосовайтесь за меня с Марьей Петровной и не забывайте старого друга.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 27 апреля 1888; 2) Коренная Пустынь: 28 апреля 1888.

¹ В неизвестном письме Фет, очевидно, сообщал, что бросил курить, о чем он оповестил нескольких своих корреспондентов.

² Очевидно, Фет сообщал о налогах, которые он должен был уплатить за доставшиеся ему по наследству имения после смерти 25 марта ст. ст. 1888 г. племянника, П. И. Борисова (1858—1888).

³ Имеется в виду «Фауст» Гете в переводе Фета, изданный в Москве в 1888 г. с иллюстрациями и большого формата.

⁴ Драма Л. Толстого «Власть тьмы» вышла в Париже в 1887 г. в переводе И. Д. Гальперина-Каминского. Директор «Свободного театра» Андре Антуан заинтересовался ею и решил поставить ее на французской сцене (первая постановка на сцене «Le Théâtre Libre» состоялась 10 февраля н. ст. 1888 г.). Вокруг драмы Толстого возникла острая полемика (см.: *Прийма Ф. Я.* Русская литература на Западе. Л., 1970. С. 161—165). Отклик об этой постановке содержался в статье И. Я. Павловского («Власть тьмы» на парижской сцене // Новое время. 1888. 5 (17) февр., № 4288), которому пришлось перевести еще раз драму на французский язык, поскольку Гальперин-Каминский выступил против постановки ее на сцене, высказав публично опасения, что драма может дать извращенное представление о России (см. об этом: Московские ведомости. 1888. 8 февр., № 39). В развернутом отклике, опубликованном в «Московских ведомостях» 7 февраля (№ 38), приводились отклики известных французских драматургов о «Власти тьмы» (Э. Ожье, А. Дюма, В. Сарду), сомневавшихся в успехе ее постановки на парижской сцене.

⁵ Статья Э. М. де Вогюз о постановке «Власти тьмы» называлась «La puissance des ténèbres. Réflexions d'un spectateur» («Власть тьмы. Размышления зрителя») и была опубликована в «Revue des deux Mondes» (1888, livraison du 15 mars, t. 86. P. 427—450).

⁶ Парадокс состоял в том (и этого, вероятно, не знала С. Энгельгардт), что Вогюз был одним из главных противников постановки «Власти тьмы» во Франции. «Возможно, что ему и его соратникам удалось бы полностью дискредитировать пьесу, если бы в дело не вмешался Эмиль Золя» (*Прийма Ф. Я.* Русская литература на Западе. С. 162). Успех постановки заставил Вогюз признать, что расчет на поражение натуралистов провалился. Вместо Ватерлоо постановка оказалась Аустерлицем для сторонников Золя. Правда, Вогюз отрицал родство Толстого с натуралистической школой: «Аналогии надо искать не у новейших реалистов и не в Шекспире, имя которого напрасно упоминается их приверженцами, их надо искать в античном театре. в самом старом, самом суровом (rude), самом философском — в театре Эсхила» (Revue des deux Mondes. 1888, livr. du 15 mars, t. 86. P. 439).

⁷ Софья Петровна Каткова (р. Шаликова), вдова М. Н. Каткова.

⁸ Речь идет об одиозной фигуре министра народного просвещения (1866—1880), министре внутренних дел (с 1882), обер-прокуроре Святейшего Синода — графе Дмитрие Андреевиче Толстом (1823—1889).

105

16 (28) мая 1888.

16 мая, воскресенье.

Сейчас получила ваше письмо.¹ Я должна выехать послезавтра, во вторник, если непредвиденное обстоятельство меня не задержит. В день отъезда, утром, pošлю вам депешу.² А вы, ради Бога, не стесняйтесь, поезжайте на именины 21-го.³ Откладывать без особенной причины отъезд я не могу. И так засиделась здесь. До свиданья.

С. Энгельгардт.

Открытое письмо: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Московское Почт. Центр. Отделение: 17 мая 1888; 2) Москва: 17 мая 1888.

¹ Это письмо Фета неизвестно. Очевидно, Фет предупреждал свою корреспондентку, что должен отлучиться из Воробьевки на то время, когда она хотела навесить его.

² Дешпа о приезде С. Энгельгардт до нас не дошла.

³ 21-го мая празднуют именины св. царя Константина и царицы Елены. О чьих именинах идет речь в письме, установить не удалось, однако известно, что 15—20 мая Фет вместе с Марией Петровной и своим секретарем Е. В. Федоровой едет в Щигры, на Воронежский конный завод и «другое Щигровское имение» (см.: *Асланова Г. Д.* Дополнения и уточнения к «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком // *А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества.* Курск, 1994. С. 341).

106

18 (30) июля 1888.

Симоновская слободка,
дача Селивановской.
18 июля.

Сегодня такая жара, что не знаешь, куда деваться, и я ушла вглубь парка, под сень вековых деревьев, чтоб писать к вам. Лето началось, наконец, после продолжительных холодов, которые наде- лали немало вреда; я и теперь не оправлюсь.

Читала я ваши прелестные стихи Майкову.¹ Сказать ли мое искреннее мнение? Я нахожу, что его чувствовали не по достоинству.² Что же бы сделали для Пушкина? Больше сделать невозможно. В своей речи он уж очень расходился: «*Может быть, — говорит, — в этой зале есть такие поэты, которые нас с грязью смешают.*»³ Это, вероятно, относилось к великому князю Константину Константиновичу,⁴ его горячего поклонника (так! — *Н. Г.*). Что вы скажете о «Севастьяне Мученике», напечатанном в майской книжке «Русского Вестника»?⁵ По-моему, он нисколько не хуже поэм самого Майкова, за исключением «Трех смертей».⁶ Можно только заметить, что центурион говорит слишком много о своем легионе.⁷ Что касается Майкова, лучшие его стихотворения все-таки останутся антологически. Признаюсь, меня возмутил во многих отношениях его «Иван Грозный». Майков первый произнес оправдательный вердикт этому злодею.⁸ Что доказывают имена двух-трех бояр? А Филипп митрополит? А сотни и сотни других? В его опричнину перешел только один боярин — князь Вяземский, вот с остальными он и расправлялся по-своему.⁹

Что вы скажете о посещении императора Вильгельма?¹⁰ Положение России давно не было так хорошо, как теперь. Все надеются, что государь уступок не сделает и останется независим.

Пора нам освободиться от немцев. Как попробовали, они же к нам явились с любезностями.

Если можете, напишите словечко. Жму вам руку. Передайте мой поклон вашей жене.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 20 июля 1888; 2) Москва: 20 июля 1888; 3) Коренная Пустынь: 21 июля 1888.

¹ Имеется в виду стихотворение Фета «На юбилей А. Н. Майкова (30 апреля 1888 года)» («Пятьдесят лебедей пронесли...»), датированное 11—25 марта 1888 г. и опубликованное 4 мая 1888 г. в «Московских ведомостях». 10 (22) марта 1888 г. Фет писал Я. П. Полонскому: «Все время напрасно мучаюсь, выдавливая из себя хотя бы восемь юбилейных стихов в честь Майкова, и вижу, что я в этом случае более всего похож на бесплодного мула» (*Фет. СПП. С. 354*). По поводу первой редакции стихотворения несколько замечаний было сделано Н. Н. Страховым, которые были приняты поэтом.

² В апреле 1888 г. широко отмечался юбилей 50-летней творческой деятельности А. Н. Майкова (1821—1897), который возглавлял Я. Полонский. Фет, Полонский, К. Р. и др. поэты опубликовали стихотворные приветствия в периодической печати. Александр III произвел поэта в тайные советники и увеличил ему пенсию. С. Энгельгардт Фет писал 25 июля ст. ст. 1888 г.: «...касательно поэзии Майкова с Вами и со мною во мнении сходятся многие. Между прочим, бывший недавно у нас председатель его юбилея Полонский говорит мне, что помнит почти всего Тютчева и меня наизусть, а Майкова не помнит ничего» (*Фет. СПП. С. 393*).

³ Юбилейная речь Майкова была опубликована в газете «Московские ведомости» и во многих других газетах.

⁴ Вел. князь Константин Константинович (Романов) (1858—1915), писавший под псевдонимом «К. Р.», наряду с Фетом и Полонским высоко ценил поэтический дар А. Майкова. Он был одним из тех, кому августейший поэт послал свой первый поэтический сборник 1886 года. Получив положительный отклик, К. Р. и в дальнейшем нередко прибегал к мнению Майкова, учитывая предложенную им правку своих произведений, положил на музыку несколько его стихотворений. К юбилею К. Р. посвятил Майкову стихотворение «Твоя восторженная лира...».

⁵ «Севастиан-мученик» — поэма К. Р., в редактировании которой принимал участие брат А. Майкова Л. Н. Майков (1839—1900). «Что же касается до великого князя Константина Константиновича, — отвечал Фет С. Энгельгардт, — которого, мне кажется, я хорошо знаю как поэта и человека, то готов сказать во всеуслышание, что самобитного лирического таланта в нем несомненно более, чем во всех его современниках; и так как он внимательно слушает подаваемые ему советы, то за последнее время неузнаваемо усовершенствовался. В доказательство прилагаю его стихотворение к императрице. Не правда ли, что мы с Майковым не напишем такого стихотворения?» (*Фет. СПП. С. 393—394*).

⁶ «Три смерти» — драматическая поэма А. Н. Майкова (1851), посвященная Риму эпохи Нерона. В центре — изображение смерти трех человек, которые должны умереть по приказу Нерона: Сенеки, Лукана и Люция. В 1863 г. опубликовано продолжение «Трех смертей» — «Смерть Люция», где поэт обращается к христианской теме. О поэзии Майкова С. Энгельгардт иронически высказывалась в письмах к Фету от 22 февраля (6 марта), от 2 (14) апреля и от 29 апреля (11 мая) 1863 (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998).

⁷ Описанию ратных подвигов Севастиана и его сотне, о которой он вспоминал на кресте, посвящены 9 строф (XXVI—XXXIV) из 48-ми поэмы «Севастиан-мученик».

⁸ Стихотворение А. Н. Майкова «У гроба Грозного» («Средь царственных гробов в Архангельском соборе...») (1887) было напечатано в майской книжке журнала «Русский вестник» за 1888 г. Устами самого Грозного Майков оправдывает жестокие деяния царя тяжелым положением России, происками бояр, заговором западных правителей против Московии, предательством сподвижников. «Да! Царство ваше — труд, свершенный Иоанном, / Труд, выстраданный им в бореньи неустанном. / И памятуйте вы: все то, что строил он, — / Он строил на века! Где — взвел до половины, / Где — указал пути... И труд был довершен / Уж подвигом Петра, умом Екатерины / И нашим веком...». На это стихотворение откликнулся Вл. С. Соловьев в своих письмах, в статье о Майкове и в стихотворной пародии (см. в кн.: *Майков А. Н. Сочинения: В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 554—555*). С. Энгельгардт ошибается, называя Май-

кова первым, произнесшим «оправдательный вердикт этому злодею». Первым, кто с исторической точки зрения оправдал Грозного был отец Вл. С. Соловьева С. М. Соловьев. Вслед за ним предтечей Петра Великого считал Грозного К. Д. Кавелин и др. историки (см.: *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Пб., 1923. С. 17—25).

⁹ С. Энгельгардт перечисляет злодеяния Грозного во времена опричнины, в том числе убийство Малюты Скуратовым митрополита Филиппа (Колычева) в 1569 г., казней новгородских 1570 г. и др. Жертвами Грозного стали и опричники, в том числе Басмановы и Афанасий Вяземский.

¹⁰ Имеется в виду приезд в Россию германского императора Вильгельма II Гогенцоллерна (1859—1941), внука скончавшегося в феврале 1888 г. императора Вильгельма I и сына сменившего его на несколько месяцев императора Фридриха III, умершего 3 (15) июня 1888 г. Встречи двух императоров, проходившие с 7 по 12 июля ст. ст., широко освещались в печати и знаменовали новый этап в отношениях России и Германии, связанный с усилением роли России на политической арене и ослаблением политического влияния «железного канцлера» Отто Бисмарка, завершившегося его отставкой в марте 1890 г.

107

14 (26) августа 1888.

Симоновская слободка,
дача Селивановской.
14 августа.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я прочла с большим удовольствием ваши записки.¹ Все действующие лица мне знакомы, за исключением ваших сослуживцев, и все чрезвычайно интересно. Не понимаю, почему Боткин находил ваши вечера мрачными; что до меня касается, мне было не только весело на этих вечерах, *но хорошо*. Душа отдыхала от других, светских, скучнейших. — Почему вы боитесь сказать, *без моего согласия*, что Боткин мне посылал поклон.² Мне очень приятно, что он относился сочувственно ко мне; вы знаете, что угодить на него было трудненько.

А вам придется обойти молчанием Григоровича. Нельзя его помянуть добрым словом. Года его не изменили, по крайней мере, не выучили держаться, как порядочный человек, что бы там у него ни было на душе. В Петербурге он обворожил графа Шереметева, и был принят у него как свой человек. Григорович его отблагодарил: написал повесть, в которой выставил в дурном виде его детей.³ Дети эти — добрейшие дети, воспитанные с необыкновенной простотой. В «Русском Вестнике» громогласно объявлено, что скоро выйдет в свет повесть Григоровича.⁴ Да кто ее одолеет? По-моему, все, что он пишет, до смерти скучно. На днях умер французский критик Maxime Gaucher. Французская печать оплакивает в нем «un des plus remarquables critiques français».^a Несколько лет тому назад я прочла его разбор «Скупого рыцаря», которого он читал в моем переводе.⁵ Он его сравнивает со «Скупым» Мольера и находит, что Гарпагон продукт образованного общества, а «Скупой рыцарь» был внушен Пушкину крепостным правом.

^a «одного из самых замечательных французских критиков» (*франц.*).

Крепко жму вашу руку. Кто же не пострадал от ужасной погоды?⁶ — Мы остались на даче, потому что в ней печи, топили и дождались теплых дней. Надеюсь, что вам лучше.

С. Э<нгельгардт>.

Марье Петровне мой поклон.

Если вы будете ко мне писать, адресуйте письмо в московскую квартиру.

Год написания письма определяется по содержанию, хотя на автографе неизвестной рукой проставлен 1889 г. со знаком вопроса. Это ответ на письмо Фета от 12 (24) августа 1888 г., где он сообщил о работе над мемуарами, спрашивал, можно ли упоминать ее имя, цитируя письма Боткина, жаловался на плохое самочувствие и сырую погоду.

¹ В письме от 12 (24) августа 1888 г. Фет спрашивал мнение об отрывке из своих воспоминаний, опубликованных в августовской книжке «Русского вестника» за 1888 г., по которой можно «судить, в каком роде затеяно целое». «Помните, я говорил Вам об этой работе. — писал Фет, — и теперь, во милости ее, я погружен в море писем Тургенева, Боткина и Толстого. Там, где мне приходится говорить о знакомых, находящихся в живых, я по большей части выставляю сокращения или подставные прозрачные имена. Толстого я просто просил разрешить мне прямо говорить о нем» (*Фет. СПП. С. 395*). С. А. Толстой Фет писал по поводу писем Боткина, Тургенева и Л. Толстого, которые стали основой его мемуаров, 19 августа 1888 г.: «Боже мой, как это молодо, могуче, самобытно и гениально правдиво!» (*Фет А. А. Сочинения: В 2-х т. М., 1982. Т. 2. С. 310*).

² 12 (14) августа 1888 г. Фет писал С. Энгельгардт: «Вы, быть может, помните наши первые встречи у Вас, у Ермолая (церковь, в приходе которой был дом, где жила С. Энгельгардт. — *Н. Г.*) и у нас — за Москвой-рекою. Боткин называл наши четверги мрачными. Это, однако, не мешает ему почти в каждом письме писать: „милой мадам Энгельгардт передайте мой усердный поклон“. Но как печатать этот поклон без Вашего разрешения?» (*Фет. СПП. С. 395*).

³ Писатель Д. В. Григорович (1822—1899) в 1880-е годы сблизился с семьей графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844—1915), одного из богатейших наследников, сына Д. Н. Шереметева. Некоторые детали его семейной жизни воспроизведены в повести «Город и деревня» (опубл. в сб. «Нивы» за 1891 г., № 1), ему же повесть и посвящена. К личности и творчеству Д. В. Григоровича С. Энгельгардт относился неизменно иронически, что было, возможно, как предполагает Н. Охотин, связано с какой-то романтической историей (*Охотин. С. 41*). В. П. Боткин когда-то писал С. Энгельгардт: «Напрасно думаете Вы, что Григорович а *contresé roug vous une petite histoire roug gîte* (сочинил про вас развлекательную историю — *франц.*). Ничего подобного никогда не было, и вообще Григорович не способен к такого рода сочинениям <...> К Вам кроме самого искреннего расположения — никогда никакого другого чувства не проходило по душе его» (*РГАЛИ, ф. 574, оп. 1, № 57, л. 2. Цит. по: Охотин. С. 41*).

⁴ Речь идет о повести Григоровича «Не по хорошу мил — по милу хорош» (*Русский вестник. 1889. № 1*).

⁵ Перевод С. Энгельгардт «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина на французский язык вошел в том ее переводов драматических произведений Пушкина, вышедший в Париже в 1875 г. Откликаясь на него, Фет писал 18 (30) января 1876 г.: «Читаю и перечитываю Ваши мастерские переводы из Пушкина и менее всего доволен „Египетскими ночами“. Когда-то папский *orfèvre* (ювелир. — *Н. Г.*) жаловался мне на работу наших золотых дел мастеров, что они соединяют камни почти без оправы. Это прекрасно, говорил он, но не прочно. Все совершенство Пушкинской работы состоит в этом наборе бриллиантов без оправы. Очевидно, что тут переводчику смерть. Пушкин не только подбирает бриллианты голым, но еще поворачивает их неизвестной гранью, и переворачивает другой нельзя безнаказанно» (цит. по: *Охотин. С. 118*).

⁶ «Быть может от холодной сырой погоды мне опять дышится тяжело, — писал С. Энгельгардт Фету 12 (14) августа 1888 г., — и при самом ничтожном напряжении глаз и усилиях мысли я, как ребенок, засыпаю» (*Фет. СПП. С. 395*).

20 августа (1 сентября) 1888.

Спиридоновка, дом к<нягини> Шаховской.
20 августа.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я давно собиралась написать к вам, да все нездоровится и, кажется, я с каждым днем становлюсь глупее. У меня после болезни на даче осталась лихорадочка, и до сих пор не могут с ней совладать.

Вы думаете, что великий князь¹ прочтет с удовольствием, что было напечатано о нем в «Revue bleue»; в таком случае сообщите ему прилагаемый листок.² Издатель, Rambaud,³ мой большой приятель; он бы очень желал, чтоб его журнал читали в России, вероятно, великий князь на него подпишется, а за ним и другие.

Я давно желала познакомиться со Страховым,⁴ да видно не судьба.

Как хороши ваши стихи к великому князю в «Р<усском> Обозрении».⁵

Жму вам руку. Передайте мой поклон Марье Петровне. Полонский, вероятно, уехал.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 19 августа 1888; 2) Коренная пустынь, Курск: 20 августа 1888.

¹ Великий князь Константин Константинович (К. Р.), был большим почитателем Фета, который, в свою очередь, признал в нем своего ученика. После того, как К. Р. прислал поэту свой первый поэтический сборник 1886 г., между ними завязалась переписка (хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома, частично опубликована в кн.: К. Р. Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999. С. 241 — 392). Поэты обменивались стихотворными посланиями, а после смерти Фета Мария Петровна передала К. Р. письма Фета к нему и тетради, содержащие автографы его стихотворений, на основании которых К. Р. и Н. Н. Страхов подготовили первое посмертное собрание стихотворений Фета (Лирические стихотворения А. Фета. В 2-х т. Пб., 1894). Переписку Н. Н. Страхова с К. Р. см. в кн.: К. Р. Избранная переписка. С. 395 — 440.

² Отклик на стихотворения К. Р., опубликованный в «Revue bleue» и переданный Фетом К. Р., обнаружить не удалось.

³ Французский историк, государственный деятель, исследователь русской литературы и культуры А.-Н. Рамбо (1842—1905) был автором написанной совместно с Лависсом многотомной «Всеобщей истории с IV столетия до наших дней» (1893), переведенной на русский язык. Он был в хороших отношениях с С. В. Энгельгардт и состоял с нею в переписке, которая хранится в РГАЛИ.

⁴ С критиком и философом Н. Н. Страховым Фет познакомился в 1876 г. и с тех пор между ними завязались долгие и плодотворные личные отношения. Страхов становится советчиком Фета и публикатором многих его стихотворений, автором нескольких статей, посвященных его творчеству, фактическим редактором (и даже автором названия) сборников «Вечерние огни», первого посмертного собрания стихотворений (1894).

⁵ Имеется в виду стихотворение «Сплывают ледяные своды...» (1887).

Сентябрь-октябрь 1888 (?).

Воскресенье.

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Я прочла вашу брошюру и сердце сжималось перед отчаянной и верной картиной современной России. Дай Бог, чтоб прекратили зло, пока еще не все пропало.¹

В одном я с вами не могу согласиться. Вы говорите, что когда Иван Грозный хотел отказаться от престола, бояре его упросили остаться на престоле. — Так. — Но если бы они этого не сделали, он бы их всех передушил, отрубил бы им головы или сжег на костре. Он любил пытаться такими выходками чувства людей, и причина его не что иное <как> — кто не за меня — тот против меня. — Изо всех бояр один князь Вяземский перешел в опричнину — а те, которые не перешли, — пострадали!²

Передайте мой сердечный привет Марье Петровне. Крепко жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Спиридоновка, дом к<нягини> Шаховской.

Датируется условно по местоположению письма в пачке.

¹ Имеется в виду анонимная брошюра «На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» (М., 1884), где Фет рассматривал широкий круг современных политических и экономических вопросов, прежде всего общинного землевладения.

² См. письмо 106 и прим. 8 к нему. В указанной брошюре Фет писал: «Кто когда оспаривал самодержавную власть Грозного? Одна мысль о самоуправлении, не говорим народа, а только бояр, приводила его в ярость. Отец попался крутой, но когда этот отец захотел отказаться от власти, все с воплем кинулось ему в ноги, моля о пощаде» (с. 29).

5 (17) ноября 1888.

Воскресенье.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Все это время я не была в состоянии писать к вам. Начну с того, что вот уже восемь месяцев я измучена болезнью сестры Варвары В<ладимировны>. На днях ей выпустили воду, полведра, и ведро было большого размера. Теперь она начинает поправляться, и я спокойней. Напишите, пожалуйста, что-нибудь о вашем юбилее.¹ Кто об нем хлопочет? Соллогуб, что ли?² А жена его вмешалась ли в это дело?³ Вы у меня пробыли так недолго, что я не успела вам сказать и половину того, что желала. Напишите подробно. Крепко жму вам руку.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Плющихе, свой дом.

Почтовый штемпель: Москва: 6 ноября 1888.

¹ 50-летний юбилей творческой деятельности Фета отмечался в конце января 1889 г. 29 января ст. ст. состоялся торжественный обед по подписке в ресторане «Эрмитаж», 26 февраля — высочайшим указом Фету пожаловано звание камергера, затем он представляется Государю. Эта официальная часть торжеств, которой Фет очень дорожил, вызвала непонимание даже среди близких друзей, в числе которых была и С. Энгельгардт. В подготовке юбилея принимали участие жена Л. Н. Толстого С. А. Толстая, И. П. Новосильцев, А. В. Олсуфьев и многие другие почитатели его таланта. Фет сам продумал ряд мероприятий, о чем сообщал в письмах к своим корреспондентам. Так, 25 июля ст. ст. 1888 г. он писал С. Энгельгардт: «...со многих сторон и притом с полным историческим к тому основанием меня запрашивают о моем пятидесятилетнем юбилее в декабре 1888 года или в январе 1889 г. Не вижу причины скрывать от дружеского Вашего ко мне расположения моих по этому поводу мечтаний. Подобно Тютчеву, и даже более чем Тютчев, я певец русской женщины. Для меня не секрет, что большинство русских порядочных женщин не только не в состоянии определить приблизительный рост моего таланта, но даже едва ли слышали о моем литературном имени: но зато среди светских женщин я лично знаю многих, сочувственно относящихся, считая в числе последних и Вас. Не состоя ни на какой казенной службе, я не желал бы ко дню моего юбилея никаких избитых формальностей и считал бы себя вполне вознагражденным, если бы сочувствующие моей музе дамы поднесли бы мне в лице избранной председательницы простой лавровый венок в ознаменование пятидесятилетнего служения» (*Фет. ССП. С. 394*). «Давно и не раз я думала о вашем юбилее, — отвечала ему С. Энгельгардт 2 (14) августа того же года, — и была бы очень рада, если б мне пришлось в нем как-нибудь участвовать. Кому, коли не вам, русские женщины обязаны поднести венок; с Вашей же стороны смотреть на него, как на единственную желанную награду за вашу деятельность, мне кажется слишком скромно и доказывает, что вы вовсе не знаете себе цену <...> у каждого человека пять чувств, а чтобы понять и оценить вашу поэзию, необходимо их иметь шесть, — а этим-то шестым, безымянным чувством одарены очень немногие. В ваших стихах слишком много тонкого, драгоценно тайного, они изображают такие неуловимые душевные ощущения, что не каждому доступны и оценены вполне лишь людьми с шестым чувством. Их любили женщины нашего поколения, но целая пропасть их отделяет от современной женщины. Эти читают Золя и Доде, хватая, что они — их настояльные книги» (цит. по кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. С. 225).

² Имеется в виду граф Федор Львович Соллогуб (1848—1890), племянник Ю. Ф. Самарина, писатель, драматург.

³ Писательнице и переводчице графине Наталье Михайловне Соллогуб (1851—1915), жене Ф. Л. Соллогуба, Фет посвятил несколько стихотворений («Вам песня моя! В степи мирской...», «О, Береника! Сердцем чую...», «Тобой привычный восхищаться...»).

111

23 января (4 февраля) 1889.

Воскресение.

Милый мой Афанасий Афанасьевич,

Я воображаю, как вас встревожил несчастный случай с Марьей Петровной. Долго еще ей, бедной, придется помучиться с гипсовой перчаткой.¹

Я прочла в газете, что вас будут угощать обедом 29,² и рада, что это было устроено помимо вас, должно быть, в Обществе любителей российской словесности.

Сестра моя сильно простудилась. У ней был бронхит, затем плеврит, она до сих пор не выходит из своей комнаты, и все это время я провела очень грустно. О своем здоровье я забыла, но и мне было нехорошо.

До сих пор я не получила «Русского Вестника», где объявлены ваши записки.³

Благодарю вас, что уведомили о себе и крепко жму вам руку.

С. Энгельг<ардт>.

Если только ничего дурного не помешает, племянник мой будет у вас непременно в субботу.⁴

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Плющихе, свой дом.

Почтовый штемпель: Москва: 23 января 1889.

¹ Речь идет о несчастном случае в начале января 1889 г., в результате которого у Марьи Петровны была сломана левая рука. 26 января 1889 г. Фет писал А. В. Олсуфьеву: «Жене вчера вечером сняли гипсовую повязку, и она просит довести до Вашего сведения, что начать субботний день 28-го постарается совершенно по Вашему плану, и ровно в 12 час. начнется молебен, а затем она вдали от всяких официальных поздравлений будет в обычный час завтракать» (*Фет. ССП. С. 407*).

² 50-летний юбилей литературной деятельности Фета широко освещался на страницах «Московских ведомостей», что было не вполне характерно для этой газеты. Так, уже в № 23 (23 января) сообщалось о том, что 29 января будет организовано чествование Фета с участием петербургских литераторов и видных литературных и общественных деятелей Москвы, в честь юбиляра будет устроен обед. «Не подлежит сомнению, что все русское общество отнесется с горячим сочувствием к чествованию самого выдающегося у нас в настоящее время представителя истинной, не тенденциозной поэзии, знамени которой он ни разу не изменил...». В № 28 от 28 января почти вся 3-я полоса и часть 4-ой были заняты материалами, посвященными жизни и деятельности поэта: статья, подписанная криптонимом «Z», краткий биографический очерк, стихотворение К. Р., посвященное Фету («Есть помыслы, желания, стремленья...»). В статье, в частности, говорилось: «В то время, как другие лирики любят рисовать свое „я“ и более или менее рисоваться им, наш поэт с первых же шагов своего творчества вступил на совершенно иную дорогу. Он обладает свойством подниматься на светлых крыльях поэзии в совершенно иной мир, где исчезает „я“ с его личными, одиночными чувствами, где сердце исполняется „сладкою верою“, сверкают переливы радужных красок, носятся чудные гармонии звуков...». Кроме общей оценки поэтического творчества Фета, здесь был дан и обзор его основных переводов из римской классики и других произведений, высоко оценены переводы из Шопенгауэра. В № 29 (29 января 1889) сообщалось, что 28 января в квартире поэта был отслужен молебен, на котором присутствовали высокопоставленные лица, в том числе и царствующей фамилии, были произнесены речи председателем Общества любителей российской словесности Н. С. Тихонравовым, председателем Психологического общества Н. Я. Гротом, прочитаны стихотворения самого Фета и в его честь. В статье от 30 января (№ 30) сообщалось, что избранный день — 29 января — является днем памяти Пушкина и днем рождения В. А. Жуковского. На организованном в этот день большом подписном обеде в ресторане «Эрмитаж» присутствовали А. В. Олсуфьев, И. Ф. Офросимов, С. А. Толстая, звучали стихи Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, Д. Н. Цертелева, Н. П. Аксакова, Р. Ф. Бранга и других, была зачитана телеграмма от министра народного просвещения И. Д. Делянова, а также напечатано благодарственное письмо Фета. И в по-

следующих номерах встречались отклики на этот юбилей в виде телеграмм, стихотворений, адресов.

³ Главы из «Моих воспоминаний» Фета начали печататься в № 8 «Русского вестника» за 1888 г. Продолжение публикации в 1889 г. было в № 1, б. 7, причем в № 7 были напечатаны и отрывки из мемуаров С. Энгельгардт (подпись: «Ольга N.»).

⁴ Очевидно, Ю. А. Новосильцев, сын брата С. Энгельгардт, А. В. Новосильцева, был приглашен Фетом на торжественный обед. Участвовала ли в торжествах сама С. Энгельгардт, выяснить не удалось.

112

12 (24) июля 1889.

12 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Ваше письмо меня очень тронуло как доказательство вашей дружбы, хотя я в ней не сомневалась. Без сомнения, когда так долго хорошие отношения продержались и крепили между двумя личностями, очевидно, что в них общие, дорогие им черты. Вы не ошибаетесь, разрешая мне быть всегда искренней с вами; я вас так уважаю, что скажу вам, не обинуясь, что чувствую, а много ли таких людей, с которыми возможно быть искренней! — Да, скромность и застенчивость не выдвигает людей вперед. Зато я знаю таких, в которых нет ничего особенного, но они умеют придавать себе цену и убедить других в своем мнимом превосходстве. Им поддаются даже умные люди, гораздо умнее их. После таких примеров можно ли дорожить общественным мнением!

Не трудно указать на тех, кто на вас косо смотрит за получение монаршей милости; это те именно, которые бы дорого дали, чтоб она им досталась, а если они ее когда и получают, то прикинутся, что ей не дорожат. Замашки известные!

Что же касается моего личного мнения — вот оно. Я очень люблю нашего царя и была бы очень рада, если б в знак отличия он подарил вам свой портрет, н<a>п<ример>. Но камергерский мундир я видела на ослиных плечах и нахожу, что вы достойны награды, которая бы вас не поставила наравне со многими.¹ Между прочим, я хорошо знала одного камергера, графа Толстого, потому что была дружна с его дочерью. Он ходил иногда гулять пешком по улицам и заглядывал во все отворенные ворота. Если кто-нибудь в это время был на дворе и видел его, он сейчас же принимал меры против дурного глаза, начинал плясать перед воротами, пока жена или дочь ждали на тротуаре конца пляски. На этом идиоте камергерский мундир и на вас камергерский мундир, — как же не обидно!

Я вам сказала мое мнение о П. А. Козлове. Не доверяйтесь ему. Говорят, что его перевод «Дон Жуана» Байрона хорош: прав-

да ли это? — Читали вы его? Если вы находите, что перевод хорош, я его прочту; не знаю, где он был напечатан.²

Мне кажется, что я правильно сужу о камергерском мундире, но ваша скромность мешает вам это понять. Я гораздо более ценю милое расположение к вам великого князя.³ Какая симпатическая личность! — Я подписалась только сегодня на «Русский Вестник» за нынешний год, потому не прочла еще ваших воспоминаний. В том же номере напечатаны и мои.⁴

Дмитрий Петрович — незаменимая для вас обоих потеря.⁵ Прошедшей зимой мы похоронили трех, годами любимых знакомых. — Тяжело.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курской железной дороги. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 14 июля 1889; 2) Коренная Пустынь, Курск: 15 июля 1889.

¹ С. Энгельгардт, вероятно, не вполне понимала, какими мотивами руководствовался Фет, стремясь получить камергерский мундир. Следует учитывать, что до него довольно широко, благодаря поддержке двора в лице великого князя Константина Константиновича, были отмечены 50-летние юбилеи Я. П. Полонского и А. Н. Майкова. Считая себя не только поэтом-лириком, но и человеком, значительную часть жизни отдавшим служению отечеству, Фет, в отличие от многих, не только не видел в камергерском мундире чего-то зазорного, но гордился этим званием. Его позицию по этому вопросу во многом проясняет письмо от 7 (19) июля 1888 г. к графу А. В. Олсуфьеву, близкому к придворным кругам, дружеские отношения с которым установились у поэта в связи с большой помощью графа при переводе римских классиков. «Талантом, — писал Фет, — <...> хвалиться никто не имеет права. Но когда речь заходит об известных произведениях, то невозможно предположить, чтобы я сам был не в состоянии сопоставить своих стихов со стихами всех современных поэтов, или не знал бы, что без моих трудов Россия до сих пор была бы без стихотворных переводов римских поэтов <...> Но есть другое обстоятельство. Пятьдесят лет я простоял на коленях перед идеалом русской женщины, и цветы, которые по временам я удостоивался получать от избранных русских женщин, были для меня истинною наградою, с которою никакая печатная реклама не могла сравниться. Это одна сторона дела, но есть и другая. Я глубоко русский человек, и без высочайшего внимания к какой-либо отечественной заслуге я не могу признать, что заслуга эта отечеством оценена. В этом случае считаю себя по историческим преданиям гораздо более вправе, чем Гораций, сказать главе государства: „Коль ты меня почтешь лирическим певцом, / Я вознесу до звезд торжественным челом“. Тут уж позволю себе обратиться с речью к Вам, многоуважаемый граф. Жаловать меня какими-либо орденами, соответствующими чину гвардии штаб-ротмистра, или назначить мне пенсию — мало соответственно моему положению. Единственно, ничего не стоящего казне, а между тем значительно выдвигающего меня наградою, как высочайше отличенного писателя, было бы камергерское звание. Все мои сверстники, и десятой доли не заслужившие того, что пришлось прослужить мне — двенадцать лет на коне и одиннадцать лет участковым мировым судьей Мценского округа, где я поныне состою почетным судьей, — давно генералы. Вы, граф, писали мне об удовольствии, высказанном перед Вашим сиятельством К. П. Победоносцевым по случаю моего перевода „Энеиды“. При свидании с ним Вы могли бы узнать, в какой мере он находит желание мое исполнимым. Если ответ его будет отрицательным, то я с своей стороны не допущу никакого юбилея» (цит по кн.: *Фет. ССП. С. 405—406*). Вопрос был принципиальным: получить в награду чин ниже тайного советника, подобно А. Н. Майкову (что соответствовало бы военному званию

гвардии штаб-ротмистра), Фет не хотел, претендовать на иной высокий гражданский чин не мог. Гордость не позволяла ему добиваться пенсии, которые получили Майков и Полонский (Полонский был награжден также звездой, а Майков чином тайного советника). Таким образом, предложенный им вариант получения придворного чина более всего соответствовал его желанию быть отмеченным государственной наградой. Отметим, что в просьбе Фета не было ничего, унижающего его достоинство. Более того, высокая оценка собственного вклада как в русскую культуру, так и заслуг на государственной и военной службе подчеркивала независимость его позиции, а обращение к Победоносцеву через графа Олсуфьева звучало почти ультимативно. Одновременно он обращался к супруге графа с просьбой возглавить группу знакомых поэту почитателей его таланта (среди которых были графиня С. А. Толстая, графиня Н. М. Соллогуб, С. В. Энгельгардт и др.), которые должны были, по его замыслу, поднести ему лавровый венок.

² Имеется в виду поэт и переводчик Павел Алексеевич Козлов (1841—1891), который в это время служил в звании камергера при московском генерал-губернаторе и, возможно, принимал участие в подготовке юбилейных торжеств Фета. В 1889 г. в Москве и Петербурге вышли два издания его перевода Байронова «Дон Жуана», выполненного размером подлинника. Этот перевод был признан большинством критиков значительным событием.

³ Имеется в виду великий князь Константин Константинович (К. Р.). См. письмо 108, прим. 1.

⁴ Главы из воспоминаний Фета и С. Энгельгардт были напечатаны в июльской книжке «Русского вестника» за 1889 г.

⁵ Брат Марии Петровны Фет-Шеншиной Дмитрий Петрович Боткин (1820—1889), известный коллекционер, председатель московского Общества любителей художеств, умер в своем имении Тихий Хутор Харьковской губернии 26 мая. Уже 27 мая в «Московских ведомостях» сообщалось о его кончине, 31 мая было напечатано сообщение о том, что тело прибывает в Москву 1 июня и будет препровождено в Покровский монастырь для погребения, а 2 июня в объявлении сообщалось о прибытии останков Д. П. Боткина, погребении его на Покровском семейном кладбище и присутствии на похоронах многих художников. Подробности о смерти Д. П. Боткина, перевозе его останков в Москву содержались в помещенном в № 151 от 3 июня 1889 г. «Московских ведомостей» некрологе, написанном Фетом. Из него становится известным, что «невзирая на врожденную веселость и общительность, покойный во все 13-летнее течение семейной жизни не пользовался прочным здоровьем, а утрата 7 марта нынешнего года горячо любимой жены окончательно подкосила его здоровье». «Из жалости к бедному страдальцу, — следует далее, — рвавшемуся в свой Тихий Хутор, пишущий эти строки решился сопутствовать покойному». Неожиданная смерть вынудила Фета, очевидно, взять на себя ответственность за перевоз тела Д. П. Боткина в Москву. Все это время он с удивлением наблюдал, с каким почтением окрестные крестьяне прощались с покойным, пронесли его на руках более 55 верст до Белгорода. Некролог, написанный Фетом, напоминает скорее полемическую статью, направленную как против почвенников, так и против западников, так как автор показывает, насколько важно для современной сельской среды, «составляющей главную основу народности», появление деятелей, подобных Д. П. Боткину, купившему в Белгородском уезде разрушенный сахарный завод, перестроившему его по новым технологиям, открывшему при заводе больницу и школу и тем самым давшему всем окрестным крестьянам возможность «осознательно поднять благосостояние в 50-верстном районе», заслужив бескорыстную признательность всего населения. Похороны Боткина, по мнению Фета, это тот самый «ответ огромной массы крестьянского населения» на вопрос о том, каким путем должна развиваться сельская жизнь России. Дается в некрологе и портрет покойного, который, «получив в молодости самое скромное школьное образование <...> сумел развить себя настолько, что, будучи замечательным счетчиком, в то же время писал весьма правильным и оживленным слогом и при случае прекрасно владел изустным словом». Характеризуя коллекцию Боткина, Фет писал: «Не честолюбие было поводом к богатому собранию, а от природы нежное настроение души, которое находило себе ближайший исход в прелестных произведениях искусства...»

9 (21) июля 1890.

9 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я еще жива и желаю знать, вы живы ли и здоровы. Жива-то я жива, но живется плохо. Мы переехали на дачу в сырой и холодный дом, положась на слова хозяйки, которая обещала его истопить к нашему приезду. Я занемогла на другой же день, была опасно больна и до сих пор не совсем оправилась, несмотря на знойное лето. — Почему прекращаются ваши записки в июльской книжке?¹ Я знаю с ваших слов историю Тургенева с его дядей и ждала, что вы оправдаете старика, однако старик остается во мнении читателей нечестным и корыстным человеком. Почему же?²

Любопытная переписка ваших друзей меня убедила, что литературный вкус не подлежит никаким законам. — Кто не уважает, например, вашу литературную оценку? — Вы похвалили «Довольно» Тургенева,³ эту прелестную вещь. — Возможно ли было не уважать мнение В. П. Боткина? — Он находил, что «Довольно» — набор слов.⁴ — Тургенев пришел в неистовый восторг от «Грозы» Островского:⁵ — вам она не понравилась.⁶ — Что же касается Льва Н. Толстого, — он упростил вопрос, — всех бранит огульно, обо всех говорит с презрением, — о Гоголе, о Тургеневе, об Островском.⁷ — Григорьев был тонкий ценитель искусства; он очень любил Alfred'a de Musset; — вы же его вовсе не любите.⁸ — Недавно я прочла в «Русском обозрении» прекрасную статью об искусстве вообще, — кажется, Гарбова, — и вдруг он объявляет, что «Федра» Расина хорошее произведение. Прочла бы я ему мнение Пушкина об этом произведении.⁹ — Все это я бы желала вам высказать при свидании, а не в письме, но в целый год я вас вижу на полчаса, когда вы приезжаете в Москву, и на полчаса, когда вы из нее уезжаете, — а в письме много не доскажешь.

Вы мне говорили, что ждете к себе Полонского нынешним летом. Если вы увидите этого милого человека, скажите ему, что я успела передать его поручение старику Петерсону, который был очень тронут и после этого прожил не более недели.¹⁰

Дружески жму вам руку. Передайте мой поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Год написания письма устанавливается на основании содержания.

¹ С 1890 г. Фет прекратил печатать свои воспоминания в «Русском вестнике» и стал активно сотрудничать в журнале охранительного направления «Русское обозрение», редактором которого был знакомый Фета князь Д. Н. Цертелев (1852—1911).

² В IV главе 2-й части своих воспоминаний Фет посредством писем И. С. Тургенева и В. П. Боткина воспроизвел причины ссоры Тургенева с управляющим его имениями дядей Н. Н. Тургеневым, стараясь не высказывать своего отрицательного

отношения к этому делу. Отказ Тургенева встретиться с дядей и уладить его отставку миром, как писал Фет, «надломил навсегда мое беззаветное дружеское к нему чувство...» (*Фет А. Мои воспоминания. М., 1892. Т. 2. С. 120*).

³ Об отношении Фета к повести Тургенева «Довольно» С. Энгельгардт узнала из приведенного в воспоминаниях письма Тургенева к Фету от 10 (22) октября 1865 г.: «А что вам некоторые звуки в „Довольно“ пришлись по уху, — меня раду-ет» (Там же. С. 78).

⁴ Об отрицательном отношении Боткина к «Довольно» С. Энгельгардт узнала из того же письма: «Я готов даже сказать вам по секрету, что не только один Боткин, но даже сто Боткиных <...> не в состоянии уверить меня, что „Довольно“ один „набор слов“» (Там же).

⁵ В своих воспоминаниях С. Энгельгардт писала: «Попав случайно на вечер, где Островский прочел одну из своих комедий, Тургенев пришел в восторг, и с тех пор Островский бывал у него ежедневно и прочитал все свои известные произведения. Тургенев так восхищался ими, что хотел отказаться от литературы, объявляя, что пред таким писателем он сам теряет всякое значение» (Русское обозрение. 1890. Т. 6 (ноябрь). С. 85). Об отношении Тургенева к «Грозе» см. прим. 6 к настоящему письму.

⁶ В письме к Фету от 19 (31) марта 1862 г. (которое воспроизведено в воспоминаниях поэта) Тургенев писал: «Я с вами спорю на каждом шагу, но в ваш эстетический смысл, в ваш вкус верю твердо и скажу вам на ухо, что по вашей милости поколеблен насчет „Грозы!“» (*Фет А. Мои воспоминания. М., 1892. Т. 1. С. 395*).

⁷ С. Энгельгардт имеет в виду письмо Л. Н. Толстого от 23 февраля ст. ст. 1860 г., напечатанное в воспоминаниях Фета, где он рассуждает о романе Тургенева «Накануне»: «Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, как он со своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности даже до приемов. Больше всего этой банальности в отрицательных приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет. Это как-то больно жюрирует с тоном и смыслом либерализма всего остального. Это хорошо было при царе Горохе и при Гоголе <...> а не так, как одержимый хандрой и диспепсией Тургенев. Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повести, несмотря на то, что она успеха иметь не будет. „Гроза“ Островского есть по-моему плачевное сочинение, а будет иметь успех» (Там же. С. 317—318).

⁸ В ответ на это заявление Фет писал 13 (25) июля 1890 г.: «Только на днях мы переписывались с великим князем Константином Константиновичем по поводу Alfred de Musset, воздавая должное поклонение его неподдельному поэтическому дару; но я был рад, что его высочество разделяет мое мнение о семимильных стихотворениях, на которые вообще французы так шедры» (*Фет. СПП. С. 396*).

⁹ Статья Н. М. Горбова «Заметки об искусстве» была помещена в мартовском выпуске журнала «Русское обозрение» за 1890 г. с эпиграфом из стихотворения Фета «Кому венеч...». Ссылаясь на Пушкина, С. Энгельгардт, очевидно, имеет в виду иронический разбор «Федры» Расина, сделанный Пушкиным для иллюстрации приемов современной критики в неоконченной статье «Опровержение на критики» (1830). «Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно не равные достоинством произведению Расина, но верно ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении. Спрашиваем: должно ли и можно ли серьезно отвечать на таковые критики <...>?» (*Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1964. Т. 7. С. 185*). В статье «О народной драме и драме „Марфа Посадница“» (1830), также неоконченной, Пушкин противопоставляет народной трагедии Шекспира придворную драму Расина, герои которого имеют «странный, нечеловеческий образ изъяснения» (Там же. С. 214). Однако, давая историческое объяснение особенностям драматургии Расина, Пушкин не перестает считать его выдающимся представителем своего времени: «Со всем тем, Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недосыгаемой, и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов...» (Там же. С. 212).

¹⁰ Я. П. Полонский в это время гостил у Фета в Воробьевке и читал мемуары, над которыми поэт работал. «Полонский, — писал Фет С. Энгельгардт 13 (25) июля 1890 г., — который усердно благодарит Вас за приветствие и который знал нашу григорьевскую среду лично, нашел удачным мое сравнение, в котором я говорю, что мы оба с Григорьевым (речь идет об Ап. А. Григорьеве. — Н. Г.) натачивали один другого, подобно двум ножам, хотя бы получившим в последствии разное на-

значение <...> Сам этот милый человек вполне олицетворяет Овидия, но не действительного, который был ловкий придворный человек, а пушкинского, про которого поэт говорит: „Не понимал он ничего / И слаб и робок был как дети“» (*Фет. СПП. С. 396—397*).

114

19 (31) июля 1890.

19 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я вполне понимаю, что Тургенев советовал вам выставлять ваш адрес в заголовке письма,¹ но кто вам подал совет сочинять адреса ваших друзей? Письмо ваше от 13² дошло до меня только вчера, к счастью, не пропало, потому, вероятно, что нас знают на почте и ежедневно приносят письма и журналы. Переезжая на дачу, я посылаю новый адрес только тем, с которыми переписываюсь еженедельно, и вы всегда писали ко мне в московскую квартиру.

Очень вам благодарна за прелестное стихотворение Полонского.³ Скажите ему, что оно перенесло меня на Тверской бульвар, в дом Голохвастова,⁴ куда брат,⁵ в студенческом мундире, приносил мне только что написанное накануне стихотворение Якова Петровича. Боже мой! Какая даль! А все остается в памяти, и остается лучшее от того времени.

Я не люблю семимильных стихотворений Alfred de Musset, нап<ример>, «Les nuits», — «La nuit d'octobre», «La nuit d'août»,^{a 6} хотя французы его называют «l'auteur des nuits»,⁶ они, по моему, самые слабые его произведения. Но как не любить некоторые коротенькие, лирические его стихотворения и comédies et proverbes: «On ne badine pas avec l'amour», «Il ne faut jurer de rien», «Le Candelier»^b и п<роч.> и п<роч.>⁷ Rambaud,⁸ издатель «Revue bleue», просил меня недавно написать статейку о стихотворениях великого князя. За настоящий разбор я не взялась, во-первых потому, что я на это дело не способна, во-вторых, очень трудно, даже невозможно хвалить произведение, которое нельзя отдать на суд читателям, а перевод, и перевод в прозе, — куда же это годится. Но я все-таки написала несколько строк,⁹ главное потому, что не могу ни в чем отказать Rambaud. После кончины сестры ни один журнал о ней не заикнулся, за исключением Каткова.¹⁰ Он написал некролог скорей, чем статью, но с теплым чувством, — а Rambaud, иностранец, напечатал в «La Nouvelle Revue» довольно объемистую статью о деятельности сестры и об ее личности.¹¹ И кто же у нас обратит внимание на женщину-писательницу? В 40-х годах «Отечественные папки» печатали прекрасные повести Хвошинской,¹² но

^a «Ночи», — «Октябрьская ночь», «Августовская ночь» (*франц.*).

^b «автором ночей» (*франц.*).

^c комедии и пословицы: «Любовью не шутят», «Не надо биться об заклад», «Подсвечник» (*франц.*).

на них мало обращали внимания; — в 60-х годах она начала писать с направлением, т. е. испортила свой талант, за то посыпались о ней похвалы после ее недавней кончины.¹³ А Марко Вовчок?¹⁴ Я не говорю об ее обличительных произведениях во время крепостного права, зато не обличительные очень хороши, — никто даже о ней и не вспомнит.¹⁵

В июльской книжке «Русского вестника» вышли воспоминания Щербаня и его переписка с Тургеневым,¹⁶ о котором он говорит с большой симпатией, но памяти Тургенева от этого не посчастливится. Он ненавидел людей, перед которыми струсил, и протянул им руку. Его художественное чутье не мирилось с их грубостью и невежеством, однако он сошелся с ними.¹⁷ В этих воспоминаниях особенно рельефно выступает личность В. П. Боткина.¹⁸ Я и не предполагала в нем такого горячего патриотизма, узнала его только из его переписки с вами.¹⁹

Преклоняюсь перед вашей неутомимой деятельностью.²⁰ Она вам не изменяет, несмотря на мучительную одышку, и как вы можете писать при таких условиях! Скажите Полонскому,²¹ и вам я тоже говорю, неужели никто из вас не восстанет против современного русского языка? Дошли до того, что вместо *упреков* пишут *репроици*, вместо *ступенек* — *марши*,²² и т. д. и т. д. Это варварство.

Сестры просят передать вам и Якову Петровичу сердечный привет.

Марье Петровне передайте мой поклон. — Вам должно быть хорошо вместе, да еще с женщиной художником.²³ Жаль, что никогда не придется познакомиться с ней.

С. Энгельгардт.

Я никогда не видала рисунка Полонского.²⁴ Очень бы хотелось взглянуть.

Год написания письма определяется по сопоставлению с письмом Фета от 13 (25) июля 1890 г.

¹ Фет сообщал об этом С. Энгельгардт в письме от 13 (25) июля 1890 г.: «Тургенев, указав мне на европейскую привычку писать свой адрес в заголовке письма, навсегда исцелил меня от этой затруднительной для адресатов русской привычки» (*Фет. СПП. С. 395—396*).

² Письмо Фета от 13 июля 1890 г. сохранилось (см.: *Фет. СПП. С. 395—397*). Далее в примечаниях к этому письму ссылки на эту публикацию без указания страницы.

³ В цитируемом письме Фет переписал для своей корреспондентки стихотворение Я. П. Полонского «Истомилось в сладостном покое...»: «Сегодня я отнял у него написанное поутру стихотворение, которое он принес к завтраку <...> Не правда ли, как грациозно».

⁴ В юности С. Энгельгардт, потеряв родителей, жила некоторое время вместе с сестрами в доме попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова (1796—1849), двоюродного брата А. И. Герцена. Родная сестра С. Энгельгардт Надежда Владимировна была за ним замужем.

⁵ О брате С. Энгельгардт, Александре Владимировиче Новосильцеве (1822—1884), товарище Фета по Московскому университету, см. письмо 51, прим. 4 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1998).

⁶ С. Энгельгардт продолжает спор о поэзии Мюссе (см. письмо 113 и прим. 8 к нему). Речь идет о лирической поэме Мюссе «Ночи» (1835—1837), куда вошли 4 стихотворения: «Майская ночь», «Декабрьская ночь», «Августовская ночь» и «Ок-

тябрьская ночь». В своих воспоминаниях С. Энгельгардт рассказала, со слов своего знакомого, что «французский поэт любил Россию, охотно говорил о ней», как он узнал о своих русских почитателях и даже обещал прислать им свой автограф (Русское обозрение. 1890. Т. 6 (ноябрь). С. 105). «Я вполне разделяю высказанное Вами о Мюссе, — откликнулся Фет. — Он вкусный безумец».

⁷ А. де Мюссе был автором ряда комедий, которые с успехом шли на сцене (например, «Любовью не шутят», 1834); некоторые из них назывались «драматическими пословицами» (proverbes) и представляли собой небольшие комедии или сценки, раскрывающие смысл той или иной пословицы. С. Энгельгардт называет две: «Подсвечник» (1835) и «Не надо биться об заклад» (1836). Многие повести самой С. Энгельгардт имеют в названии пословицу: «Суженого конем не объедешь», «Не одного поля ягоды» и др.

⁸ См. письмо 108, прим. 2.

⁹ Статья Рамбо, куда, очевидно, вошли «несколько строк», написанные Энгельгардт, была передана Фетом в руки К. Р. и сохранилась в РО ИРЛИ (ф. 137, № 76). К. Р. писал Фету 31 августа ст. ст. 1890 г.: «Очень лестно было мне прочесть отзыв члена-корреспондента нашей Академии Rambaud. Подпишусь на „Revue bleue“, но желал бы знать адрес редакции» (К. Р. Избранная переписка. С. 345). 3 (15) сентября 1890 г. Фет уведомляет С. Энгельгардт о передаче К. Р. статьи Рамбо и приводит выписку из его письма (*Охотин*. С. 177).

¹⁰ См. письмо 92 и прим. 1 к нему и письмо 94 и прим. 7 к нему. «Я уверен, что вел<икий> князь будет Вам сердечно признателен за пронирование (казните!) его стихотворений», — писал С. Энгельгардт Фет 1 (13) августа 1890 г. (*Фет. ССП*. С. 398).

¹¹ Е. В. Новосильцева публиковала во французской прессе, в частности, в «Revue des deux Mondes» повести исторического и религиозного содержания. В этом журнале активно сотрудничал и Рамбо. Статью о ней в «La Nouvelle Revue», который возглавляла Ж. Адан, обнаружить не удалось.

¹² Н. Д. Хвоцинская, писавшая под псевдонимом В. Крестовский (1824—1889) в 1850 г. опубликовала в «Отечественных записках» повесть «Анна Михайловна», романы «Баритон» (1857), «Встреча» (1860) и др. В 60-е оды в ее творчестве усилились демократические тенденции, появились активные герои и героини. В целом примыкала к народническому кругу.

¹³ Хвоцинская умерла 8 (20) июня 1889 г.

¹⁴ Речь идет о М. А. Вилинской (в первом браке Маркович, во втором Лобач-Жученко), писавшей под псевдонимом Марко Вовчок (1833—1907), авторе «Украинских народных рассказов» (1859; перевод их на русский язык осуществил И. С. Тургенев) и «Рассказов из народного русского быта» (1859), воспринятых как обличение крепостного права. Много занималась переводами.

¹⁵ В 70-е годы Марко Вовчок, вследствие литературного скандала, отошла от литературы, вернулась в нее лишь в конце 90-х гг.

¹⁶ Публикация Н. В. Щербаня (1834—1893) «Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем (1861—1875)» появилась в № 7—8 «Русского вестника» за 1890 г.

¹⁷ В воспоминаниях Н. В. Щербаня описывалось несколько эпизодических встреч Тургенева с представителями молодого поколения русских революционеров. «Ласковую податливость» Тургенева в спорах с «нигилистами» автор воспоминаний объяснял интересом автора «Нови» к будущим героям своего романа.

¹⁸ С. Энгельгардт обратила внимание на переданные Щербанем споры Тургенева и Боткина по поводу польского восстания 1863 г., в которых Боткин выступал за решительные действия русского правительства по усмирению поляков.

¹⁹ В воспоминаниях Фета были напечатаны несколько писем В. П. Боткина, в которых он живо обсуждал польский вопрос. «Совершенно сочувствую твоему стремлению вступить снова в полк, при известии о Польском восстании, — писал он Фету 16 (28) марта 1863 г. — В Европе общественное мнение решительно на стороне поляков, не разбирая того, что претензии и требования поляков очевидно имеют целью не только ослабление России, но удаление ее из Европы в Азию <...> Но наши пустоголовые прогрессисты ничего этого не понимают. Кажется, чувство национальности и любви к отечеству совершенно испарилось из этих легкомысленных голов» (см.: *Фет А. Мои воспоминания*. Ч. 1. С. 414—415). Сам Фет писал 6 мая 1863 г. по поводу польского восстания Л. Н. Толстому, спрашивавшему, «не придется ли нам с вами и с Борисовым снимать опять меч с заржавленного гвоздя»: «...самый мерзкий червяк, гложащий меня червяк, есть поляк. Готов хоть сию минуту

тащить с гвоздя саблю и рубить ляха до поту лица» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В 2-х т. М., 1978. Т. 1. С. 365—366).

²⁰ В письме от 13 (25) июля 1889 г. Фет сообщал С. Энгельгардт об окончании работы над переводами из Марциала и об уже написанных десяти печатных листах воспоминаний о ранних годах своей жизни, к которым он приступил по совету Л. Толстого.

²¹ В это время Полонский с семьей гостил у Фета в Воробьевке. В том же письме он сообщал: «Семья Полонского, состоящая из супруги Жозефины Антоновны, старшего сына студента, а младшего — правоведа и 19-ти летней дочери, проживают у нас во флигеле и являются только к завтраку, обеду и вечернему чаю».

²² С. Энгельгардт говорит о галлицизмах, заполонивших русский язык. Репроши — от французского «гергоше», марши — от франц. «marche».

²³ Имеется в виду Ж. А. Полонская (р. Рюльман) (1844—1920), одаренная художница и скульптор. «Милая жена его замечательный скульптор, — писал о ней Фет, — и в настоящее время с увлечением лепит мой старческий бюст. На Одесском бульваре стоит бюст Пушкина ее работы». Ж. Полонская была также автором бюста И. С. Тургенева, который стоит на его могиле на Волковом кладбище в Петербурге. Тургенев первый посоветовал ей серьезно заняться ваянием.

²⁴ Я. П. Полонский был живописцем-любителем и оставил немало этюдов Спасского, где он гостил у Тургенева, и Воробьевки.

115

3 (15) июня 1891.

Петровский парк, дом Романова, близ аптеки.

Вы, должно быть, окончили ваши странствования,¹ дорогой Афанасий Афанасьевич, и наслаждаетесь у себя дома дурной погодой. Тяжело ее переносить, но холода и дожди поправили хлеба в Курской губернии, а на дачах они ничего не поправляют — а только портят. Я впрочем не в праве жаловаться; дачу мы наняли сухую и теплую, вдали от шума, и здесь такие удобства, о каких и речи не может быть в другом месте. Наше последнее свидание оставило мне такое грустное воспоминание, что я не отделалась от него до сих пор. Было время, когда мы с вами часто видались, толковали о поэзии и о прозе, о том, что любим и не любим, и вот обстоятельства так сложились, что, живя в одном городе, мы не видимся. Прежних друзей давно нет на свете, и меня окружает молодежь очень милая и добрая, но между ей и мной нет главного — прошедшего. Их идеалы не мои идеалы. То, что им кажется иногда очень хорошо, мне кажется отчаянно глупо, и они испытывают то же чувство в отношении ко мне, — и грустно жить в душевном одиночестве.²

Вы кончили, вероятно, роман Поля Бурже «Un Coeur de femme».³ Я таких сердец не понимаю. Женщина любит двух разом, одного за то, что не достает другому. Нет! Когда женщина любит, для нее другой не существует. — А что ваши записки?⁴ — Будет ли у вас гостить Полонский летом?⁵ Если будет — передайте ему мой сердечный привет. В прошлом году он начал печатать свои воспоминания в «Русском вестнике»;⁶ я надеялась, что он их про-

¹ «Сердце женщины» (франц.).

должит, и потому только взяла на дачу несколько №, но продолжения нет, и их не заменила комедия Григоровича в январской книжке.⁷ Скучно, вяло, избито, совершенно бездарно. Я не могла ее прочесть до конца.

Дайте весточку о себе. Протягиваю вам руку из Парка в Курск.

С. Энгельгардт.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

Год написания письма определяется по содержанию.

¹ «Странствованиями» С. Энгельгардт, вероятно, называет переезд из Москвы на лето в Воробьевку. В ответном письме Фет сообщал, что по дороге заезжал к Марье Петровной в Ясную Поляну к Толстым (письмо от 7 (19) июня 1891 г.).

² Видимо, жалоба С. Энгельгардт побудила Фета скоро ответить на ее письмо. Уже 7 (19) июня он пишет: «От души вдвойне благодарю Вас: за любезную память и внимание и за прекрасную жалобу, которая хотя и во мне возбудила поздние сожаления, но тем не менее возбудила мысли, за которые Вы, конечно, меня бранить будете. Конечно и я, подобно Вам, стремился к высоким красивым идеалам, и мы с Вами весьма счастливы, что наша юность выпала на те годы, когда русская жизнь на крыльях самых жарких поклонников идеала впервые воспарила в этот радужный мир, к которому, надеюсь, мы стремимся с Вами до сих пор. Утрата этих идеалов приводит к весьма печальному духовному мешанству. Но я не могу похвалить времени нашей молодости за ослепление несбыточной мечтою, будто можно руководствоваться в жизни этими идеалами» (*Фет. СПП. С. 400*). Давняя приятельница действительно откликнулась на эти слова, но не так, как ожидал Фет. «Вы напрасно полагаете, что я не соглашусь с вами. К сожалению, я поняла слишком поздно практическую сторону жизни, но, поняв ее, не рассталась с прежними идеалами, но идеалы современной молодежи не возбуждают во мне никакого сочувствия. Н<a>п<rимер>, любовь к человечеству вообще и к мужику в особенности, и никогда, однако, бедный русский мужик не нуждался в сердечном сочувствии, как теперь <...> Мы приняли с восторгом увольнение крестьян, могли ли мы думать, что оно приведет к таким грустным результатам?» (письмо от 8 (20) июля 1891 г. цит. по кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 226—227).

³ Отзыв Фета о романе Поля Бурже неизвестен, однако в письме к гр. А. В. Олсуфьеву от 7 (19) февраля 1892 г. содержатся такие строки: «Писать и переводить что-либо далее я совершенно неспособен и коротаю время за чтением лучших русских и французских романов» (*Фет. СПП. С. 415*).

⁴ В ответном письме Фет сообщал о продолжении работы над «Ранными годами моей жизни» (вышли посмертно в 1893 г.), которыми завершались его мемуары: «Продолжаю я понемногу диктовать свои воспоминания с детских лет до гвардейской службы. Это целое море, в котором разбираться трудно» (цит. по кн.: *Фет. СПП. С. 401*).

⁵ В ответном письме от 7 (19) июня 1891 г. Фет сообщал, что Полонские не будут гостить в это лето в Воробьевке.

⁶ Воспоминания Я. П. Полонского под названием «Старина и мое детство» печатались в «Русском вестнике» (1890. № 2, № 6; 1891. № 5). Другая часть воспоминаний, которые не были завершены, была опубликована уже после смерти поэта в литературных прибавлениях к журналу «Нива» (1898. № 12) под названием «Мои студенческие воспоминания».

⁷ В январской книжке «Русского вестника» за 1891 г. была напечатана комедия Д. В. Григоровича «Заноза». Об отношении С. Энгельгардт к Григоровичу см. письмо 107 и прим. 3 к нему.

Уточнение: В публикации II части писем С. Энгельгардт к А. А. Фету (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999) ошибочно указано, что Е. М. Долгорукая (1847—1922), с 1880 г. светлейшая княгиня Юрьевская, в замужестве носила фамилию Альбединская (с. 112 и с. 345 Указателя имен), в то время как А. С. Альбединская (урожд. Долгорукая, 1836—1913), тоже фаворитка Александра II — это другое лицо. За указание на ошибку благодарю С. Л. Жидкову.

ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА К П. Е. ЩЕГОЛЕВУ

Часть II. Одесса. Херсон. Одесса. Киев.¹
(1903—1904)

Публикация А. М. Грачевой

1903—1904 гг. — особый период в переписке Ремизова и Щеголева, время постоянного информационного обмена между адресатами, оказавшимися далеко друг от друга. 31 мая 1903 г. закончился срок пребывания А. М. Ремизова в ссылке, и он незамедлительно покинул Вологду. В его тетради — конволюте тематически и хронологически систематизированных писем — одной из немногих, уцелевших от расброшюровки в составе его доэмигрантского архива, сохранились ремизовские записи о «географии и хронологии» его существования в период запрещения проживания в столицах. На основании этих данных, а также его автокомментария к письмам к С. П. Ремизовой-Довгелло можно точно восстановить последовательность передвижений Ремизова в этот период: «1903 г. Вологда до 31 мая // Херсон до конца июня»,² Одесса до середины июля, Херсон до конца года, «1904 Херсон до 20 февраля // Николаев 20—21 февр<аля> // Елисаветград 21—22 -" // Одесса с 23 февр<аля> — 21 мая // [дата зачеркнута] Москва // [СПб.] СПб. // [1 сл. нрзб.] Вологда Москва // Киев 21 июня — 27 июля // с. Берестовец (Черниг<овской> губ<ернии>) 28 июля—13 авгу<ста> // Киев 13 августа—»,³ Петербург.

Если для Ремизова 1903—1904 гг. были годами странствий, то П. Е. Щеголев с конца 1902 г. жил в Петербурге. Он с блеском закончил Петербургский университет, но из-за революционного «прошлого» его надежды быть оставленным при университете, начать успешно строить академическую карьеру, тогда не осуществились.⁴ Щеголев продолжал научные исследования, но основной заработок ему давала журналистика. В 1903—1904 гг. он был помощником редактора журнала «Исторический вестник», печатал многочисленные историко-литературные статьи, публикации архивных материалов, рецензии и справки в этом издании, а также в «Вестнике и библиотеке самообразования», «Мире Божьем». Несмотря на то, что судьба развела бывших вологодских друзей, их взаимное интеллектуальное притяжение не ослабело. О продолжении интенсивного заочного диалога свидетельствуют частотность и само содержание писем Ремизова. Ответные письма не сохранились, что является необычным на фоне педантичности отношения Ремизова к сохранности документов.